

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет иностранных языков
Кафедра немецкого языка

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП:
дфн, проф. каф. англ. филологии

_____ / И. В. Новицкая
(подпись)

«__» _____ 20__ г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ПРИЕМЫ ОПУЩЕНИЯ И ЗАМЕНЫ В ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ
ДОКУМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТЕНОГРАММ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА
НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ)

по основной образовательной программе подготовки
бакалавров направление подготовки 45.03.02 –
Лингвистика

Витовский Олег Михайлович

Руководитель ВКР
д-р филол. наук, профессор
_____ И. В. Новицкая
подпись

«__» _____ 20__ г.

Автор работы
студент группы № _____
_____ О. М. Витовский
подпись

Томск - 2020

Оглавление

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования перевода юридических документов	6
1.1. Юридический дискурс и его жанровая организация	9
1.2. Особенности юридических текстов	14
1.3. Проблема перевода юридических текстов	15
1.4. Подходы и приемы перевода текстов юридического дискурса	18
1.5. Опускание и замена как переводческие приемы	23
Выводы по главе 1	27
Глава 2. Анализ использования приемов замены и опущения в юридических текстах	28
2.1. Описание речей обвинителей на материалах стенограмм Нюрнбергского процесса	28
2.2. Анализ использования приёма опущения в переводах материалов Нюрнбергского процесса	30
2.3. Анализ использование приёма замены в переводах материалов Нюрнбергского процесса	40
Выводы по главе 2	47
Заключение	48
Список использованной литературы	50
Приложения	55

Введение

С началом наступления 20-го века в России начал ускоряться процесс вовлечённости страны в международные процессы различного характера как в мирные: культурно-социальные, экономические и политические, так и в военные, например, Первая мировая война, Великая Отечественная война и война в Афганистане многие другие военные кампании. На разных этапах истории страны наблюдались различные темпы активности в тех или иных областях, большинство из которых требовали вступления в межкультурное взаимодействие с участниками того или иного события. Подобного рода взаимодействие требовало определённых юридических заверений и некоторых договоров между сторонами межкультурной коммуникации. В то же время наличие некоторых соглашений скрывалось от широкого доступа, цензурировалось или же просто не оглашалось. Отсюда вытекает необходимость в более подробном переводческом изучении данных документов.

Поскольку одним из самых трагических событий в истории нашей страны в XX в. стала Великая Отечественная война, анализ материалов Нюрнбергского процесса 1946-1948 гг. может рассматриваться как одна из самых актуальных тем, связанных с этим событием.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей применения приёмов опущения и замены в переводе речей обвинения на русский и английский языки (на материале текстов стенограмм выступлений на Нюрнбергском процессе).

Поставленная цель предполагала решение следующих **задач**:

1. Изучить теоретические аспекты исследования юридического дискурса, его жанровой организации и лингвистических особенностей юридических текстов.
2. Проанализировать научную литературу, посвящённую проблемам перевода юридических текстов, а также применению различных приёмов перевода.

3. Уточнить содержание понятия «переводческий приём» и изучить возможности применения таких переводческих трансформаций как опущение и замена в переводе юридических документов.

4. Проанализировать случаи применения таких трансформаций, как опущение и замена, в переводах материалов Нюрнбергского процесса на русский и английский языки.

Объектом исследования выступили тексты переводов стенограмм заседаний на Нюрнбергском процессе 1946-1948 гг.

Предметом исследования является применение приёмов опущения и замены в переводе материалов Нюрнбергского процесса.

Источником **материала** исследования стали стенограммы выступлений обвинения, посвящённые военной агрессии Фашистской Германии, представленные на трёх языках: английском, немецком и русском. Общий объем проанализированного текста составил не менее 184 предложений. Общее количество выявленных случаев применения приёмов опущения и замены в переводах на английский и русский языки составило около 196 единиц.

В качестве **теоретической базы** исследования выступили Семантическая модель перевода Дж. Кэтфорда, Теория соответствий и трансформаций Я. И. Рецкера и теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, работы по теории перевода (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. А. Солдатова), исследования о переводческих трансформациях в юридическом переводе (О. А. Чепак, М. В. Черниговский, А. А. Солдатова), работы о юридическом дискурсе (Косоногова О. В., Кожемякин Е. А., Бушев А. Б.).

Для осуществления поставленных задач используются такие **методы** как сопоставительный анализ, сравнение, метод научного описания, переводческий анализ.

Практическая ценность заключается в том, что полученные результаты можно использовать при дальнейшем исследовании материалов Нюрнбергского процесса, при разработке и проведении практических занятий по юридическому переводу, а также при

изучении использования переводческих трансформаций в юридическом дискурсе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что впервые был проведён переводческий и лингвистический анализ стенограмм Нюрнбергского процесса с немецкого на русский и английского на русский.

Структура работы. ВКР состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность работы, определяется цель, задачи исследования, объект, предмет и материалы исследования, практическая ценность, а также теоретическая база исследования. В первой главе описывается юридический дискурс, его организация, особенности, теоретические подходы в изучении, а также переводческие приёмы и трансформации, применяемые при переводе юридических текстов. Во второй главе анализируется применение таких трансформаций, как опущение и замена, используемые при переводе материалов стенограмм Нюрнбергского процесса. Рассматриваются также возможные причины их использования. В заключении подводятся итоги всего исследования на основании данных, представленных в первой и второй частях.

Глава 1. Теоретические основы исследования перевода юридических документов

С началом эпохи глобализации уровень международного взаимодействия перешёл в стадию стремительного развития. Это было вызвано расширением торговых, экономических, политических, культурных, общественных и прочих взаимодействий между странами. В это время перевод начинает играть особенно важную роль, так как именно он выступает в роли посредника между людьми

и народами. С возникновением новых связей возникает потребность в их юридическом оформлении, что в свою очередь даёт мощный толчок развитию юридического перевода.

Как следствие столь бурного развития международных взаимодействий стало появление особого интереса исследователей к проблемам юридического перевода, что вызвало появление не только новых работ в этой сфере, но и даже целого ряда лингвистических междисциплинарных школ, стоящих на стыке юрислингвистики, переводоведения, лингвистики и права. К ним относятся барнаульская школа юрислингвистики, волгоградская школа лингвоконцептологических исследований, а также пермская школа функциональной стилистики [Бородина, 2017].

С начала XXI века юридический перевод, по мнению некоторых исследователей, таких как В. В. Алимов и А. С. Киндеркнехт выделяется в отдельный вид переводческой деятельности, при помощи которой осуществляется как устная, так и письменная коммуникация в рамках некой правовой темы на разных языках [Киндеркнехт, 2002].

Исследователи-юрислингвисты рассматривают перевод как в узком, так и в широком смысле. Так, например, Н. П. Глинская рассматривает применение правовой лексики в различных функциональных стилях английского языка [Глинская, 2002], а исследовательница Е. С. Савина анализирует применение юридических терминов в разнообразных сферах языка, в том числе и в художественных текстах [Савина, 2011].

К важнейшим теоретическим подходам, в рамках которых осуществляется юридический перевод, являются лингвистическая теория перевода, яркими представителями которой являются В.В. Алимов, А.В. Фёдоров, К.М. Левитан и В.Н. Комиссаров, а также лингвокультурологический подход, тесно связанный с именами Г.И. Богина и Н.Л. Галеевой [Бородина, 2017].

В силу специфичности данного вида перевода к переводчикам, выполняющим перевод правовых актов выдвигаются дополнительные требования: знание правовых и общественно-политических систем и

реалий изучаемого языка, способность быстро и эффективно ориентироваться в областях знания, связанных с юридической тематикой текста, знание основ права и правового устройства, высокий уровень владения языком права и юриспруденции и изучение как культуры, так и страноведческой стороны языка, отражающихся в юридическом языке [Там же].

Как уже ранее было сказано одной из значимых лингвистических школ, занимающихся изучением связи языка и права, является барнаульская школа, ведущими исследователями в которой являются Н.Д. Голев [Голев, 1999] и М. В. Костромичёва [Костромичёва, 2007]. В рамках теоретико-методологического подхода в области юридического перевода работал А.С. Киндеркнехт. Все три исследователя говорили о том, что в рамках сравнительного правоведения юридическая лингвистика работает над решением проблем перевода юридических текстов, а также является инструментом изучения правовых систем других стран. К преимуществам данного направления относится также и то, что оно учитывает особенности как письменного, так и устного перевода [Киндеркнехт, 2013].

Некоторые исследователи, например, В.А. Пищальникова и Е. В. Малюкова, подчёркивают особое значение антропоцентрической парадигмы в области изучения юридического перевода [Бородина, 2017].

В то же время большинство исследователей придерживаются единого мнения о том, что к центральному понятию юридического перевода относится юридическая терминология как основная составляющая любого правового текста. Вследствие этого, можно наблюдать активный интерес исследователей к юридической терминологии.

Вместе с этим такие исследователи, как А.С. Киндеркнехт, говорят о том, что в итоге юридический перевод не должен быть сведён к переводу исключительно правовой терминологии, что необходимо обращать внимание на особенности текста в целом:

дискурсивные, лингвокультурологические и функционально-стилистические особенности [Киндеркнехт, 2013].

Рассматривая подход к юридическому переводу в рамках волгоградской лингвоконцептологических исследований, учёные Л.В. Колесникова и И.В. Палашевская анализируют концепты «право» и «закон». Одна из последних работ, написанная в рамках данного направления Л.К. Левчуком, была посвящена сопоставлению концептов «право», «свобода», «обязанность», «долг» и «человек» [Бородина, 2017].

Функционально-стилистический подход на сегодняшний день представлен в лице Н.П. Глинской, которая занимается изучением правовой терминологии в рамках функциональных стилей [Там же].

Следующая отечественная лингвистическая школа – это пермская школа функциональной стилистики, представители которой М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева и В.А. Салимовский не считают юридический стиль самостоятельным функциональным стилем и вместо него выделяют три подстиля: законодательный, юрисдикционный и административный [Кожина, Дускаева, Салимовский., 2016].

Стоит также упомянуть, что выше упомянутые исследователи выделяют критический дискурс-анализ как метод в изучении юридического перевода, а напротив заявляют о взаимном развитии дискурса и функционального стиля [Бородина, 2017].

Таким образом, обозначив позиции одних из самых известных школ, представляющих самые разнообразные подходы в исследовании юридического перевода, можно сказать, что проблема перевода правовых текстов является не только актуальной темой для изучения в лингвистике, но и исследуется с разных методологических подходов.

1.1. Юридический дискурс и его жанровая организация

По мнению многих исследователей, юридический дискурс не имеет общепринятого определения, как следствие – мы имеем разнообразие определений и толкований. Так, например, Т.А. ван Дейк подтверждает эту идею своими словами о понятии «дискурс»,

как о явлении расплывчатом и трудно поддающемся определению [Дейк, 2016].

В языкознании, по мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс рассматривается в 3-х плоскостях: «как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», как «текст, взятый в событийном аспекте» и как «компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990].

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс неразрывно связан с прагматической ситуацией, которая определяет коммуникативную адекватность, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, а также для его интерпретации. Кроме того, дискурс связан с познавательными актами участников коммуникации: к применяемым ими этнографическим, социокультурным и психологически ценностным моделям, позволяющим строить некие дискурсивные образования, выстраивать стратегии решения имеющихся коммуникативных задач, а также архитектуру дискурса [Арутюнова, 1990].

В то же время исследователи Т. Н. Хомутова и Е. А. Шефер говорят о том, что под юридическим дискурсом обычно понимают законодательный и судебный дискурсы, хотя эти два типа не могут охватить всю полноту данного явления, так как юридический дискурс включает в себя целый ряд разновидностей правового дискурса. Многие исследователи говорят о большом количестве разновидностей юридического дискурса [Хомутова, Шефер, 2019]. Так, по мнению Л. А. Борисовой, тип дискурса будет определяться в зависимости от критериев, заложенных в его классификацию, и научной области [Борисова, 2016].

Понятие дискурс можно понимать в трёх различных плоскостях: социолингвистической, коммуникативно-деятельностной и коммуникативно-текстовой. В рамках социолингвистической группы юридический дискурс рассматривается как вид институционального дискурса, являющийся статусно-ориентированным взаимодействием участников в соответствующей системе ролевых предписаний и норм

поведения в установленных законом ситуациях институционального взаимодействия [Палашевская, 2012].

В свою очередь О. В. Косоногова считает, что юридический дискурс – это особый вид институционального дискурса, семиотическое пространство которого можно описать при помощи общности вербальных и невербальных знаков, образующих как институциональные, так и не институциональные типы общения, участники которых, в равной степени как и содержание, относятся к правовой сфере [Косоногова, 2008].

Исследовательница Л.Е. Попова описывает юридический дискурс как форму институционального общения юристов в их профессиональной деятельности [Попова, 2005].

В коммуникативно-деятельностной плоскости можно выделить определения юридического дискурса таких исследователей, как А. Чернышева и Е.А. Кожемякина. Так, по мнению А. Чернышева, юридический дискурс – «это языковая деятельность (речь), которой присущи некоторые признаки: а) сфера её функционирования – область права (юридический дискурс с необходимостью прослеживается везде, где обсуждаются и решаются правовые вопросы); б) тема и ведущий мотив юридического дискурса – содержание закона и соответствие ему того или иного рассматриваемого события; в) коммуникативная направленность юридического дискурса – регулирование общественных отношений; г) общая когнитивная специфика юридического дискурса – примат фактов над ценностями» [Чернышёв, 2016]. Е. А. Кожемякин утверждает, что юридический дискурс регламентирует те исторические и социокультурные коды, которые представляют смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, которая в свою очередь будет направлена на формулирование норм, легитимацию, а также контроль и регулирование общественных отношений [Кожемякин, 2011].

Теперь рассмотрим коммуникативно-текстовую группу, выделенную Т. Н. Хомутовой и Е. А. Шефер. В рамках данной группы мы хотели бы обратить ваше внимание на определения,

разработанные Л. А. Борисовой, Т. С. Сафроновой и М. В. Торгашевой. Л. А. Борисова считает, что юридический дискурс – это «комплексная взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, а именно сферы юриспруденции» [Борисова, 2016]. Т. С. Сафронова считает, что «под юридическим дискурсом понимается вся совокупность правовых и законодательных текстов, реализуемых в рамках юридической компетенции» [Сафронова, 2016]. В свою очередь, М. В. Торгашева обозначает юридический дискурс как такую область науки, в рамках которой изучаются тексты действующих законов прежде всего Конституции, кодексов и прочих законов [Торгашева, 2011].

К последнему типу понятия юридического дискурса относится когнитивная группа, на основании которой Л. Е. Попова даёт следующее определение: «юридический дискурс представляет собой форму проявления языка, которая используется для выражения особой ментальности, ... в этой сфере реализуется специфическая языковая картина мира человека» [Попова, 2005].

Так, основываясь на вышеизложенных определениях понятия юридического дискурса многие исследователи приходят к выводу о том, что юридический дискурс – это многогранный и сложный объект, и в то же время он обладает не менее сложной и разнообразной жанровой организацией, которая является прямым следствием широты его определения.

По мнению И.В. Палашевской, речевой жанр является изначальной единицей организации дискурса, являющейся формой как общественного, так и коммуникативного взаимодействия в рамках определённой ситуации общения [Палашевская, 2012]. По мнению М.М. Бахтина, речевые жанры юридического дискурса имеют такие признаки, как ситуативность и диалогичность. Первый признак проявляется в социолингвистических признаках жанра, а второй – в активно-ответном понимании и взаимодействии смысловых позиций участников. Для того, чтобы принимать участие в институциональном коммуникативном взаимодействии нужно владеть жанровыми формами, используемыми в коммуникации.

Знание этих форм является неотъемлемой частью юридического дискурса, поскольку они носят нормативно принудительный характер [Бахтин, 1997].

И.В. Палашевская утверждает, что жанр в рамках юридического дискурса следует рассматривать в двух плоскостях: текстуальной (документальной) или ситуативной. На основании первого взаимодействие участников процесса фиксируется в текстовом виде, а в рамках второго жанр рассматривается уже в динамической плоскости. Таким образом, жанры юридического дискурса объединяют не только результат, но и сам процесс коммуникативного взаимодействия [Палашевская, 2012].

Также И.В. Палашевская рассматривает участников юридического процесса как носителей характерных признаков жанровой формы. Все участники юридического дискурса объединены в широкую группу участников юридического дискурса (правовой субъект), без которых коммуникативная ситуация не может быть осуществлена, так как правовые субъекты являются носителями определённых ролевых предписаний [Там же].

Ключевой составляющей жанров юридического дискурса, как считает И.В. Палашевская, является нормативно-ценностный элемент, включающий в себя регулятивные функции юридических процессов, и ценностные нормы того или иного общества, на которых основываются представления о праве, справедливости, судебной практике и т.п. [Там же].

Некоторые жанры юридического дискурса могут быть определены по статусу участников дискурса и его коммуникативным целям, которые напрямую связаны с правовым статусом субъекта в судебном процессе. Так, например, следователь использует такие формы, как допрос, запрос, постановление, поручение, повестка и ходатайство. Суд располагает определениями, постановлениями и т.п. При этом одно действие может повлечь за собой череду других действий. Среди жанровых форм правоприменительных актов мы обнаруживаем постановления, определения, приговоры, судебные приказы, постановления следствия и дознания [Там же].

При этом в рамках юридического дискурса разграничение жанров на «жёсткие» и «мягкие» представляется условным. Это не исключает индивидуальных, особенных версий жанровых формул, которые наделены некой уникальностью [Алексеева, 2001].

И хотя некоторые жанры юридического дискурса, как утверждает И. В. Палашевская, рассматриваются в рамках жанровых макроструктур как так называемые сложные жанры, основывающиеся на взаимосвязанных речевых событиях. Подобная сложная структура показывает непрерывность процесса реализации сложноорганизованного речевого события в юридическом дискурсе. Каждый элемент этого процесса представляет собой образованное как в содержательном, так и в структурном смысле коммуникативно-речевое явление, которое представляет собой отдельный речевой жанр. Так, например, судебное заседание может состоять из множества жанров: допрос свидетелей, выступление обвинения, речь защиты, последнее слово подсудимого. При этом не стоит забывать о том, что некоторые формы коммуникативного взаимодействия неразрывно связаны с определёнными стадиями судебного процесса [Палашевская, 2012].

Таким образом, на основании представленных выше результатов исследований юридического дискурса можно сделать вывод о том, что юридический дискурс, так же как и его жанровая структура, тесно связаны с институциональными нормами ведения судебного процесса, так и с использованием тех языковых единиц языка права, которые характерны для того или иного жанра.

1.2. Особенности юридических текстов

В рамках данного исследования нам представляется важным рассмотреть особенности, характерные для юридических текстов.

Так, по мнению О. В. Звада, одной из главных отличительных черт юридического текста считается его унифицированность, связанная с различного рода штампами, шаблонными выражениями, клише и устойчивыми словосочетаниями. Юридическим текстам свойственна

также императивность, экспрессивная нейтральность и официальность [Звада, 2019]. Е. А. Панкратова в своей работе презентует различные стилистические приёмы языка юриспруденции. К ним относятся язык юридических документов, доврачебных процедур и судебных заседаний. Первый тип представлен судебными решениями, договорами, законами, контрактами и т.п. Второй тип представлен в виде юридических консультация, полицейских допросов, предварительных слушаний по делу и т.п. Третий тип может быть продемонстрирован перекрёстными вопросами, выступлениями судей, речами обвинителей и защиты [Панкратова, 2012].

Одной из особенностей юридических текстов также является их терминология, которая не должна толковаться двояко, так как её главная задача - обеспечение точности и определённости соответствия правовым нормам и предписаниям. Данное требование называется требованием определённости, нарушение которого может привести к неверному пониманию смысла юридических документов [Звада, 2019].

Кроме того, такие исследователи, как О. В. Занковец и Н. А. Петрусенко говорят о том, что при переводе юридической терминологии переводчику приходится часто сталкиваться с тем, что в языке перевода часто отсутствуют достаточно точные словесные конструкции, через которые можно передать термин исходного языка. Это связано прежде всего с культурологическими особенностями, а также с различиями правовых систем, которые могут проявляться, например, в более или менее подробных терминах одного и того же явления [Занковец, Петрусенко, 2019].

К одной из отличительных черт юридических текстов, по мнению О. В. Звада, относится специфика построения синтаксических конструкций, которая выражается в многократном применении простых предложений с рядом однородных членов. Вместе с этим стоит отметить и определённые особенности предложений в юридических текстах. Так, например, для них свойственна внутренняя логика, которая просматривается на протяжении всего текста и

лаконичность, не предполагающая не только лишних описаний, но и отступлений от основного повествования [Звада, 2019].

Следующей немало важной отличительной чертой юридических текстов считается их недвусмысленность и достоверность, а также императивность, при помощи которой разрешаются те или иные споры [Звада, 2019].

Таким образом, можно заключить, что юридический текст обладает рядом особенностей, которые характерны как для терминологии, так и для структуры юридического текста.

1.3. Проблема перевода юридических текстов

Данный раздел посвящен описанию проблем, с которыми сталкиваются специалисты в процессе перевода юридических текстов. По мнению многих учёных, одной из ключевых проблем при переводе юридических текстов является проблема интерпретации юридических текстов, что в свою очередь побуждает необходимость создания современных подходов в переводческом процессе. Правильное понимание перевода напрямую зависит от того, как переводчик работает с различными приёмами перевода [Барабаш, Мещерякова, 2013].

Одной из значительных проблем юридического перевода, по мнению О. В. Барабаш и О. В. Мещеряковой, по-прежнему остаётся перевод устоявшихся терминов и выражений, используемых в узких областях. Сложность перевода данных языковых единиц может заключаться во множестве факторов. Например, существуют термины, верное толкование которых зависит от лингвокультурного контекста. Самыми непростыми из них могут считаться те, которые относятся к региональной или национальной областям юриспруденции [Барабаш, Мещерякова, 2013]. Подобного мнения придерживается и исследовательница Царенкова Н. А., которая указывает на сложное лексическое многообразие юридических текстов, где такие единицы, как антонимы и синонимы обладают разграничительной функцией [Царенкова, 2020].

Исследовательница Н. А. Царенкова также представляет группу проблем, с которыми переводчики сталкиваются при переводе правовых текстов. К ним относятся переводы терминологизированных слов, словосочетаний и правовой терминологии в целом, сокращений, типичных для международных текстов, наименований учреждений и нормативных актов, правовых парных и тройных синонимов, сложных юридических наречий, пассивных предложений и некоторых частей речи, которые имеют разные грамматические требования в ПЯ [Царенкова, 2020].

По мнению исследовательницы М. М. Мушениной, несмотря на то, что главными признаками качественно переведённого текста считаются точность, понятность и соответствие стилю, она утверждает, что в зависимости от типа текста его адресата и функции роль таких категорий, как понятность, точность и стиль могут различаться. Например, при переводе текстов дискуссий в области юриспруденции понятность и стиль могут сыграть более важную роль, чем точность передачи информации. В то же время в переводе приговоров точность остаётся ведущим критерием [Мушенина, 2004].

Другой не менее важной проблемой в юридическом переводе, по мнению французского лингвиста и переводчика Ж. Мунэна, является достижение адекватности перевода и эквивалентности текстов, но стоит заметить, что достижение абсолютной эквивалентности невозможно, так как с одной стороны текст обладает своей специфичной семантикой в разных языках, а с другой стороны различия друг от друга «картины мира», создаваемые языками, а также отличия друг от друга культуры, реальности и общества [Комиссаров, 2000].

В то же время, по мнению исследователя С. А. Семко, одной из самых частых проблем, с которой сталкиваются переводчики при переводе юридических документов, заключается в том, что переводчик проецирует собственные представления о мире и личные установки на текст перевода, что в итоге приводит к так называемому столкновению коммуникативных установок переводчика с установками автора. В этом случае работа переводчика усложняется

тем, что простой передачи информации уже недостаточно необходимо понять лингвокультурный контекст данного текста. Исходя из этого С. А. Семко утверждает, что для качественного перевода переводчику необходимо прибегать к приёмам герменевтического анализа [Семко, 1998].

Следующим сложным местом юридического перевода, по мнению О. В. Барабаш и О. В. Мещерякова, являются тексты, при переводе которых допускается вариативность в их интерпретации. К ним относятся прежде всего терминологические словосочетания, которые являются следствием омонимии и полисемии как лексических единиц, так и синтаксических конструкций. При переводе многозначных юридических понятий нужно обращать внимание либо на широкий контекст, либо на знания переводчика [Барабаш, Мещерякова, 2013]. Так, по мнению А. В. Бушева, эквивалентность при переводе юридического текста будет определена микроконтекстом [Бушев, 2010].

Другой проблемой при переводе правовых текстов, по мнению Т. П. Некрасова, могут относиться так называемые терминологические коллизии, при переводе которых сопоставляются термины официальных русских переведённых текстов международных договоров и современные юридические термины [Некрасова, 2013].

Одной из последних трудностей, которую выделяет О. В. Барабаш и О. В. Мещерякова, могут считаться многокомпонентная юридическая терминология, которая требует к себе пристального внимания со стороны переводчика. В этой связи исследователи также упоминают одноэлементную и многокомпонентную терминологию, которые существуют во всех подъязыках [Барабаш, Мещерякова, 2013].

Таким образом, перевод правовых текстов осложнён как культурным аспектом восприятия двух различных правовых систем, так и множеством языковых трудностей, связанных прежде всего с лексическими и когнитивными проблемами.

1.4. Подходы и приемы перевода текстов юридического дискурса

В рамках данного раздела мы хотим представить такие подходы и приёмы, которые используются при переводе юридических текстов.

Исследовательница А.В. Бородина в своей работе о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода рассматривает несколько, по её мнению, самых крупных, значимых и наиболее часто используемых подходов в переводе юридических текстов. К ним относятся юридическая лингвистика в рамках барнаульской школы, лингвоконцептологическое направление в рамках волгоградской школы, функционально-стилистический подход пермской школы, а также дискурсивный подход [Бородина, 2017].

Одним из таких подходов, который мы хотели бы рассмотреть, является лингвокультурологический подход. По мнению исследовательницы В. А. Иконниковой, в рамках этого подхода особая роль отводится компоненту культуры или историко-территориальному компоненту. Так как правовая система в каждой стране формируется в конкретном историческом контексте и на определённой территории, переводчику необходимо учитывать эти особенности при переводе правовой терминологии. В этой связи в подходе выделяют такие единицы как термины, реалии и «термин-реалии», при переводе которых нужно учитывать статус, особенности и культурную специфику использования данных единиц. Кроме того вариативность некоторых языков, например, английского также связана и с их терминосистемами [Иконникова, 2013].

Рассмотрим следующий подход, ярким представителем которого является Н. Д. Голев: юрислингвистический подход или юрислингвистика в рамках барнаульской школы. Юрислингвисты в рамках перевода текстов проводят лингвистическое исследование, в процессе которого они исследуют два текста с учётом требований, специфики и особенностей того или иного языка. Предоставленные материалы будут рассматриваться с точки зрения их соответствия морфологии, синтаксису, лексикологии, фонетики, лексикологии,

риторики, культуры речи в соответствии законодательными нормами ИЯ и ПЯ [Голев, 2000].

Другим не менее интересным подходом, который мы хотим рассмотреть, является коммуникативно-функциональный подход. В своей работе, посвящённой данному подходу, исследователи А. Ю. Ивлева и Д. Д. Уваров говорят о том, что зачастую различного рода казусы при переводе возникают из-за столкновения культур ИЯ и ПЯ. Поэтому на сегодняшний день нецелесообразно рассматривать перевод как кросс-лингвистическую замену, так как этот процесс является процессом межкультурного изменения, при котором переводчику необходимо грамотно использовать переводческие трансформации. Поэтому перевод будет рассматриваться скорее, как диалог между автором, переводчиком и реципиентом. Немаловажным фактором данного подхода является то, что перевод рассматривается как событие, а любой акт трансляции неразрывно связан с коммуникативной ситуацией [Ивлева, Уваров, 2017].

В следующей части данного раздела будут представлены приёмы, которые используют переводчики при переводе юридических текстов.

Рассмотрим трансформацию как переводческий приём, используемый при переводе юридических текстов. Так, например, исследовательница Ахманова О. С. определяет трансформацию как «один из методов порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей (или ядерных структур)» [Ахманова, 1969], но первым кто ввёл это определение был З. Харрис, который считал, что трансформацию следует рассматривать как соотношение между двумя конструкциями, включающими одни и те же классы слов [Harris, 1962]. По мнению Н. Хомского, под трансформацией следует понимать влияние на определённую цепочку с установленной структурой составляющих с целью перевода её в новую цепочку с новой производной структурой данных составляющих [Хомский, 1962]. По мнению другого исследователя Р. К. Миньяр-Белоручева, трансформация – это преобразование, заключающееся в изменении лексических и грамматических преобразованиях, то есть

формальных, а также семантических преобразованиях элементов исходного текста [Миньяр-Белоручев, 1996]. По мнению И. Рецкера, переводчик передаёт значение слов исходного текста исходя из контекста. При этом И. Рецкер считает, что трансформации относятся к области логического мышления [Рецкер, 1974]. В свою очередь, А. Д. Швейцер полагает, что при переводе переводчику необходимо заменить форму исходного текста на адекватную форму языка перевода. Если необходимого соответствия в словаре не находится, следует обратиться к переводческим трансформациям [Швейцер, 1988]. При этом большинство исследователей едины во мнении, что переводческие трансформации классифицируются на лексические, грамматические и комплексные [Чепак, Черниговский, 1997]. Таким образом, согласно этим представлениям о трансформациях в переводе исследователи вывели такие типы преобразований, как добавление, опущение, перестановка и замена символов [Солдатова, 2011].

Теперь рассмотрим каждый из приведённых переводческих приёмов в отдельности, учитывая, что единого мнения по количеству трансформаций среди исследователей перевода нет [Денина, 2015]. Так, например, к наиболее распространённым типам лексических трансформаций относятся конкретизация, генерализация, компенсация, приём лексического добавления, лексическое опущение, смысловое развитие, целостное преобразование и антонимический перевод [Солдатова, 2011].

Поскольку перевод юридических текстов ставит переводчика в определённые рамки, как следствие можно наблюдать то, что некоторые трансформации используются гораздо чаще. По мнению А. А. Солдатовой, такая лексическая трансформация как опущение используется в случае отказа от некоторых семантических избыточных слов, не имеющих высокой смысловой значимости. Частотность использования такого приёма как генерализация также очень велика особенно в переводе с английского на русский. В отличие от генерализации антонимический перевод используется гораздо реже [Солдатова, 2011].

Кроме лексических переводческих приёмов широко используются и такие грамматические приёмы как перестановка и замена, что связано различиями в грамматическом строе языков. Тем самым, проанализировав переводческие трансформации, среди самых частотных А. А. Солдатов выделяет приём лексического опущения, генерализацию, приём смыслового развития и целостного преобразования, а также группу структурно-логических трансформаций, объединяющих логику-ситуативные, логику-грамматические и логику-стилистические приёмы [Солдатов, 2011].

Исследователи О. А. Чепак и М. В. Черниговский на материале своего анализа пришли к выводу о том, что к самым частотным трансформациям при переводе юридических текстов относятся замена и добавление. Способ перестановки встречается реже, чем замена и добавление, а опущение в свою очередь является самым редко встречающимся из всех 4 трансформаций [Чепак, Черниговский, 2016].

Теперь более подробно рассмотрим те трансформации, которые применяются при переводе юридических текстов.

Под конкретизацией или сужением, по мнению И. Р. Подзолковой, понимается то, что понятие исходного языка замещается при переводе более узким понятием в языке перевода. К данному приёму прибегают в том случае, если отсутствует эквивалент языковой единицы в языке перевода [Подзолкова, 2012].

Генерализацией или расширением обозначают замену понятия ИЯ более широким, то есть генерализация является своего рода противоположностью конкретизации. Данный приём особенно часто используется при переводе дипломатических текстов [Там же].

В рамках такой трансформации, как опущение переводчику приходится опускать некоторые лексические единицы в силу их избыточности, поскольку их смысловая значимость не несёт большой смысловой значимости [Там же].

Под трансформацией добавление понимается противоположный опущению приём опущение, в рамках которого необходимо уточнить или пояснить понятия исходного языка [Там же].

В рамках целостного преобразования переводчику нужно преобразовать не отдельный фрагмент текста слово или словосочетание, а целое предложение [Там же].

Приём смыслового развития подразумевает под собой замену причины на следствие и наоборот, то есть тем самым переводчик заменяет языковую единицу на контекстуально и логически соотносящиеся с ней слово или словосочетание [Там же].

Антонимический приём используется тогда, когда переводчик выбирает противоположную по смыслу лексическую единицу с той целью, чтобы передать смысл изначальной языковой единицы [Там же].

Перестановка используется тогда, когда для более точной передачи смысла необходимо прибегнуть к изменению порядка лексических единиц [Чепак, Черниговский, 2016].

Под заменой может пониматься подбор символического образа языка перевода, на основе которого будет передано содержание языковой единицы ИЯ [Денина, 2015]. По мнению О. А. Чепак и М. В. Черниговского, такое активное использование замены обусловлено особенностями культур, безэквивалентной лексикой и правовыми специфическими терминами [Чепак, Черниговский, 2016].

Также по мнению исследователей О. А. Александрова и Н. А. Коварской, в рамках перевода юридической терминологии активно используются такие трансформации, как транскрибирование (передача произношения слова ИЯ при помощи алфавита ПЯ), транслитерация (передача знаков ИЯ знаками ПЯ) и калькирование (поморфемный или пословный перевод как правило с сохранением грамматической структуры термина). Кроме того, при отсутствии необходимого эквивалента переводчик нередко прибегает к приёму описательного перевода [Александрова, Коварская, 2016].

Таким образом, использование далеко не всех трансформаций будет уместно в силу того, что юридический текст ставит переводчика в некоторую жанровую зависимость при выборе тех или иных переводческих приёмов.

1.5. Опускание и замена как переводческие приемы

По мнению исследователя перевода В. Н. Комиссарова, опускание в переводе используется тогда, когда необходимо отказаться от семантически избыточных лексических единиц, оказывающихся нерелевантными или легко восстанавливаемыми в контексте. Так, например, В. Н. Комиссаров приводит в качестве примера парные синонимы, активно используемые в английском языке. В силу того, что их употребление нетипично в русском языке, то переводчик как правило опускает один из синонимов, хотя парные синонимы это далеко не единственная языковая единица, которая может быть опущена в тексте [Комиссаров, 1990].

Данная трансформация особенно часто используется при переводе ораторских речей с английского языка на русский, так как достаточно часто исчерпывающая конкретность текста ИЯ не всегда мотивирована содержанием: использование числительных, названия мер, весов и т.п [Там же].

В то же время к одному из важнейших преимуществ такого приёма, как опускание, В. Н. Комиссаров относит компрессию, которая в свою очередь уравнивает общий объём текста благодаря тому, что при переводе также используются такие переводческие приёмы как описательный перевод, добавления, а также различного рода объяснения [Там же].

Исследователь Л. К. Латышев и вовсе считает, что при переводе некоторых текстов использование трансформации опускание просто необходимо, так как в противном случае текст ПЯ будет плохо восприниматься реципиентом [Латышев, 1981].

Несмотря на то, что опускание это один из активно используемых приёмов, при переводе юридических текстов он используется гораздо реже, чем такие трансформации, как замена, перестановка и добавление. По мнению исследователей О. А. Чепак и М. В. Черниговского, это объясняется тем, что такой переводческий приём, как опускание не всегда уместен в переводе текстов юридического дискурса, и объясняется это тем, что к признакам юридического

текста относятся формальность и обязательность сохранения синтаксической структуры предложения, а также лексических особенностей текста. Однако в случаях семантической избыточности переводчик может использовать данный приём [Чепак, Черниговский, 2016].

Исследовательница И. Р. Подзолкова говорит также о лексическом опущении, под которым понимается опущение лексических единиц, не несущих никакой серьёзной смысловой нагрузки [Подзолкова, 2012].

Следующий переводческий приём, который мы рассмотрим, будет замена. По мнению Л. С. Бархударова, замена является одним из самых часто употребительных переводческих приёмов. Замену переводчик может использовать при переводе грамматических единиц, например, изменяя формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксических связей и прочие грамматические категории. Замену используют также и при переводе лексических единиц, что свидетельствует в свою очередь о существовании лексических и грамматических замен. Помимо этого замене могут подвергаться целые комплексы лексико-грамматических единиц, которые свидетельствуют о существовании комплексной лексико-грамматической замены [Бархударов, 1975].

Л. С. Бархударов считает, что замена может использоваться в следующих случаях: когда переводчик заменяет форму слова (сюда могут относиться число у существительных, время у глаголов и т.д.). Заменяя части речи, переводчик может, например, вместо существительного использовать местоимение или поменять существительное на прилагательное. При переводе также могут заменяться члены предложения, в рамках данной замены члены предложения могут быть переставлены, то есть тем самым произойдёт изменение синтаксической схемы предложения. Это может быть вызвано, например, коммуникативным членением предложения, тесно связанным с тем, куда пойдёт новая или известная информация. К следующему типу замены относится синтаксическая замена в сложном предложении. Данный тип замен

представлен заменой простого предложения сложным, сложного простым, главного предложения придаточным и наоборот, подчинительной связи на сочинительную и наоборот, а также замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот. И к последнему типу замен, выделенному Л. С. Бархударовым, относится лексическая замена, в рамках которой заменяются отдельные слова и устойчивые словосочетания единицами исходного языка и языка перевода [Бархударов, 1975].

В этой связи к замене Л. С. Бархударов также относит такие переводческие приёмы, как конкретизация, где под конкретизацией подразумевают замену лексической единицы исходного языка на лексическую единицу с более широким референциальным значением языка перевода. При этом конкретизация может быть как контекстуальной, так и языковой. Использование языковой конкретизации обусловлено прежде всего различиями в строе двух языков или же отсутствием подходящего слова или словосочетания в языке перевода [Бархударов, 1975].

Генерализация, по мнению Л. С. Бархударова, является прямопротивоположным переводческим приёмом по отношению к конкретизации, где слово или словосочетание исходного языка заменяется на другое слово или словосочетание языка перевода с более узким значением [Бархударов, 1975].

При этом другой видный исследователь перевода В. Н. Комиссаров не относит генерализацию и конкретизацию к типам замен в отличие от Бархударова [Комиссаров, 1990].

В рамках перевода юридических текстов такие исследователи, как О. А. Чепак и М. В. Черниговский отмечают, что замена является одним из самых часто используемых переводческих приёмов в переводе юридических текстов. Главным образом это связано с культурными различиями, особенностями правовых систем, переводом безэквивалентной лексики, а также со спецификой юридических терминов, что побуждает в свою очередь переводчика проводить изменения на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях [Чепак, Черниговский, 2016].

Таким образом, можно утверждать, что опущение используется в юридическом переводе гораздо реже, чем, например, замена, так как перевод юридических текстов подразумевает сохранение максимально возможного количества как лексических, так и семантических единиц. Замена в свою очередь считается явлением более подходящим для данного вида перевода, а также гораздо более сложным, чем опущение.

Выводы по главе 1

Проблемы перевода юридических текстов остаются интересными для учёных и анализируются в рамках разных лингвистических школ и методологических подходов.

Юридический дискурс, как и его жанровая структура, тесно связан с определёнными процессуальными судебными нормами, а также с использованием тех языковых единиц права, которые типичны для определённого жанра.

Изучив работы учёных, посвящённые особенностям юридических текстов, был обнаружен ряд особенностей характерных для текстов юридического дискурса. Эти особенности связаны прежде всего с терминологией, а также со структурой юридических текстов.

Перевод юридических текстов представляет собой достаточно серьёзную задачу, поскольку он сопряжен с различиями в восприятии культурного аспекта двух правовых систем, а также лексическими и когнитивными проблемами, влияющими на восприятие текста.

В процессе перевода текстов юридического дискурса переводчики используют различные трансформации, самыми частотными из которых являются замена, добавление, перестановка и опущение.

Глава 2. Анализ использования приемов замены и опущения в юридических текстах

Для дальнейшего анализа из текстов стенограмм Нюрнбергского процесса было отобрано 261 предложение. Все предложения занесены в приложение, в них выделены все случаи применения замены и опущения.

2.1. Краткая характеристика стенограмм Нюрнбергского процесса

Как уже было указано выше, в качестве объекта исследования в настоящей работе выступают тексты переводов стенограмм выступлений обвинителей, посвящённых агрессии нацистской Германии против Польши, Великобритании, Франции, Норвегии, Дании, Греции, Югославии и СССР.

Источником материалов для анализа выступил оригинал стенограмм на немецком языке, размещенный на сайте немецкой онлайн библиотеки [<http://www.zeno.org/Geschichte/M/Der+Nürnberg+Prozeß>]. В данных материалах указываются как имена выступающих, так и датировка. При этом даются указания на все паузы, объявляемые судом, и даты начала и окончания заседаний. Стенограммы Нюрнбергского процесса были записаны в 1945-1946 гг. и на сайте онлайн библиотеки расположены материалы нюрнбергского процесса, в основе которых лежит 16 000 стенограмм.

В стенограммы, переведённые на русский язык, вошли переведённые тексты речей обвинителей, допросов, а также различных документов. Данные стенограммы были записаны в 1945-1946 г.г., их общий объём составил 42 тома. В 1947 г. материалы судебных заседаний были опубликованы в объёме 42 томов в Нюрнберге. В СССР материалы были выпущены не в полном объёме. На сегодняшний день самое полное русскоязычное собрание состоит из 8-ми томов. Оно было выпущено в период с 1989-1999 г.г.

В русском варианте в начале стенограммы указывается автор выступления, а также дата обвинительной речи. Кроме того, к каждой из речей прилагается определённый набор документов, связанных с актом агрессии. При анализе трансформаций замены и опущения был использован перевод стенограмм, опубликованный в третьем томе, восьмитомного сборника «Нюрнбергский процесс», выпущенного в 1989 г. в Московском издательстве «Юридическая литература». Англоязычный перевод мы можем найти в 7-м и 3-м томах.

Структура англоязычного издания стенограмм выглядит следующим образом: стенограммы структурированы непосредственно по дате судебного заседания с указанием дня, года, а также до- или послеобеденного времени работы суда. Перед каждым высказыванием указывается выступающий. Помимо этого, есть указания на паузы и перерывы в работе суда. Такая же структура характерна и для немецкого варианта.

В текстах стенограмм, посвящённых агрессии нацистской Германии против ряда стран, как правило рассматривались выступления председателей обвинения, а также допросы. Перевод документов, сопровождавших судебное расследование, не был включен в анализ.

Исходя из представленных фактов, выбор материалов для анализа был ограничен в силу того, что на русском языке было опубликовано только 8 томов из 42-х, опубликованных на английском и немецком языках. Для дальнейшего анализа были отобраны тексты, связанные одной тематикой (агрессия нацистской Германии), и представляющие жанры обвинения и допроса.

С завершением Нюрнбергского процесса в 1946 г. в последующие годы были выпущены материалы судебных заседаний в составе 42 томов на английском и немецком языках. Русскоязычные материалы в свою очередь были представлены не в таком широком объёме: 2 тома «Сборник Нюрнбергский процесс» в 1954 г., «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах» в 1957-1961 гг. и

последний наиболее полный вариант «Нюрнбергский процесс: сборник материалов» был выпущен в восьми томах в 1987-1999 гг.

2.2. Анализ использования приёма опущения в переводах материалов Нюрнбергского процесса

С точки зрения таких известных исследователей перевода как Л. С. Бархударов и В. Н. Комиссаров, переводческая трансформация опущения используется в том случае, когда избыточная информация не переводится в силу того, что содержание будет донесено без каких-либо содержательных потерь [Комиссаров, 1990].

Методом сплошной выборки было отобрано 121 случай использования приема опущения. Трансформация опущения использовалась в следующих случаях: первая группа – это 25 предложений, в которых опущения применялись при упоминании полного наименования документов, его кодировки, инвентарного номера, непосредственного названия на немецком и английском. Вторая группа включает 23 предложения, в которых опущение использовалось при указании на структуру документов, их характеристику. Третья группа включает 27 предложений, в которых опущено указание на говорящих. К четвертой группе принадлежит 41 случай опущения, которые применялись в случае перевода клише и или семантически избыточных единиц. В пятую группу включено 5 предложений, в которых использование опущения не получило достаточно исчерпывающего объяснения.

Рассмотрим примеры первой группы. В предложениях этой группы при переводе опущено указание инвентарного номера и название документа. опущения при указании полного инвентарного номера и названия документа. Так, предложение “Der Gerichtshof wird diesen „Vertrag, TC-17, auf der ersten Seite des britischen Dokumentenbuches Nr. 3 finden. Diesem Beweisstück dürfte die Nummer GB-76 gegeben werden“ переведено на английский с сохранением всех элементов смысла англ. “that treaty, TC-17, on the first page of British Document Book Number 3; and to that exhibit it may be convenient to

give the Number GB-76”, в то время как в русском переводе наблюдается опущение не только наименования и инвентарного номера, но и указание на страницу документа, что видно в русскоязычном переводе: «Во-первых, был договор об арбитраже и мирном урегулировании между Германией и Данией, подписанный 2 июня 1926 г. в Берлине, документ ВБ-76».

Другой такой пример, иллюстрирующий опущение инвентарного номера документа, находится в следующем предложении: нем. „Der Gerichtshof findet diese Urkunde als Beweisstück TC-24 im Dokumentenbuch; es wird die Beweisstück-Nummer GB-77 tragen.“ и англ. “The Court will find that as Document TC-24 in the document book and it will now bear the Exhibit Number GB-77.”. В русскоязычном переводе было произведено частичное опущение, при котором осталось лишь одно указание: «Это документ ВБ-77.».

Рассмотрим ещё один пример, представляющий опущение инвентарного номера, в предложении: нем. „In erster Linie beziehe ich mich auf Beweisstück TC-30, die nächste Urkunde in dem britischen Dokumentenbuch Nr. 3; sie wird die Beweisstück-Nummer GB-78 tragen.“ и англ. “In the first instance I would refer to Document TC-30, which is the next document in the British Document Book 3 and which will bear the Exhibit number GB-78.” на немецком и английском эти предложения переведены без применения каких-либо опущений. В русскоязычной версии данное предложение было переведено следующим образом: «Я сошлюсь на документ ВБ-78.», то есть сохранялась лишь часть номера.

Ещё один пример опущения инвентарного номера немецкого варианта „Die erste Urkunde ist TC-70, GB-25.“ и англ. “I would refer to is Document TC-70, which will go in as GB-25” переводится на русский язык как «Весьма интересно посмотреть, что сказал Гитлер после подписания договора с Польшей в январе 1934 года», что демонстрирует полное отсутствие указания на номер документа.

Другой пример перевода предложений нем. „Ich bitte den Gerichtshof, die nächste Urkunde im britischen Dokumentenbuch Nr. 3 einzusehen; es ist Dokument TC-31 und wird Beweisstück GB-79.“ и англ.

“The Court will observe the next document in British Document Bobk 3 is the Document TC-31, which will be Exhibit GB-79”. В русскоязычном переводе «Этот документ — TC-31, ВБ-79, представляет собой памятную записку...» было опущено название документа и сохранён только код.

Рассмотрим ещё один пример, подтверждающий наличие опущений, связанных с опущением наименований документов: нем. „aus dem letzten Satz des zweiten Absatzes des mit „b. Weserübung“ überschriebenen Abschnittes von Dokument C-66 folgende Worte entnehmen“ и англ. „in the last sentence of the second paragraph of the section of ~166 headed "(b) Weserubung" these words:“. В русскоязычном переводе «Теперь я прошу суд обратить внимание на записи, которые сделал Редер по поводу этого совещания для того, чтобы они остались для истории» наименование операции не было переведено.

Применение переводчиком приёма опущение для данной группы предложений можно объяснить тем, что английскому и немецкому тексту присуща большая степень конкретизации, что нехарактерно для русскоязычных текстов, именно поэтому переводчики так активно используют данный приём при переводе. Предполагается также, что ранее упомянутые материалы не нуждаются в дальнейшем повторении. При этом в большинстве случаев при указании инвентарного номера опускался не весь номер, а лишь его часть.

Далее рассмотрим примеры второй группы, в которых опущению подвергались указания на структуру документов. В данном случае приём опущение мог быть использован при конкретизации структуры документов, представленных в речах обвинения Нюрнбергского процесса. Так например, в немецком и английском вариантах оригинал и перевод точно соответствуют друг другу: „Ich werde den ersten Satz auslassen. Das Dokument ist, wie ich bereits gesagt habe, eine Mitteilung des Angeklagten Raeder an Admiral Aßmann.“ и англ. “I will omit the first sentence. The document which, as I have said, is a communication from the Defendant Raeder to Assmann reads as

follows...". В русском переводе «Из последующих доказательств станет ясно, что это зашифрованное наименование плана вторжения в Норвегию и Данию» были опущены два предложения, указывающие на документ и структуру документа, например, номер абзаца и авторство сообщения в силу того, что в предыдущем предложении документ был обозначен как «Меморандум адмиралу Асману, для его сведения; публикации не подлежит», что заочно указывает на дальнейшее содержание.

Подобным образом, немецкий оригинальный текст „*im Absatz 1 bezeichneten Art gegen...*“ полностью воспроизводится в английском варианте „*in Paragraph 1...*“. В русском переводе «В случае, если вышеупомянутые действия будут предприняты третьей державой против одной из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона не будет никаким образом поддерживать эти действия.» номер абзаца при цитировании был полностью опущен и представляет собой пояснение к заголовку.

В следующем примере указание на структуру было без изменений передано в переводе с немецкого на английский за исключением наименования самого сообщения: „Der dritte Abschnitt, „Schon im Januar“, das ist Anhang I zu Rosenbergs Bericht, der Abschnitt, der sich mit Norwegen befaßt, Seite 6 meines Exemplars, mit Bezug auf Seite 2 des Anhangs. Der Absatz beginnt wie folgt...“ и англ. “The third paragraph, "Quisling's reports" - that is in Annex I in Rosenberg's report, the section dealing with Norway, Page 6 on my copy-referring to the second page of the annex, the paragraph beginning with...“. В свою очередь в русскоязычном переводе «Как я говорил уже, в то время, как были приняты эти решения, от Квислинга, через организацию Розенберга, поступали сообщения, и если суд обратится к документу ПС-007 — отчету Розенберга, то Трибунал заметит, какого рода сведения организация Розенберга поставляла в этот период: Решение может состоять, например, в следующем...», то есть в русскоязычном переводе было полностью опущено указание на отрывок, его название, номер приложения к сообщению, указание на страницы и тематику, к которым относится данный документ.

Ещё один пример, демонстрирующий опущение при переводе указание на структуру документа: нем. „daß die Verletzung dieser Zusicherungen in Paragraph 22, Anhang C, Seite 43 der Anklageschrift behandelt ist.“ и англ. „that violation of those assurances is charged in Paragraph XXII of Appendix C of the Indictment at Page 43.“. В русскоязычном переводе был переведён следующим образом: «нарушение этих заверений указано в статье 22 приложения «С» обвинительного заключения.» в данном фрагменте указана лишь часть структуры документа.

Типично, что в немецком и английском вариантах даётся достаточно подробное описание структуры документов, например: „Teil 1 sind „Verträge“, Teil 2 trägt die Überschrift „Beweismaterial für die deutschen Absichten vor März 1939“, genauer sollte man es als „Beweismaterial vor März 1939“ bezeichnen.“ и “Part I is the "Treaties"; Part I1 is entitled "Evidence of German Intentions prior to March 1939." It might perhaps be more accurately described as "pre-March 1939 evidence,"” Советские переводчики опустили соответствующие указания на структуру документации и её наименования: «Я хотел бы обратить особое внимание Трибунала на те части документальных доказательств, которые свидетельствуют о том, что еще до того, как Германия захватила всю Чехословакию...». Как можно заметить в русскоязычном переводе говорится только о некоторых частях как об определённых свидетельствах.

Подобным образом в немецком и английском источнике даётся изрядно точное указание на все документы „in Punkt 1, Abschnitt IV (F), Absatz 6, mit der Überschrift: Die Urkunden, die sich mit diesem Teil des Falles befassen, befinden sich im Dokumentenbuch »P«...“ и “Count One, Section IV (F), Paragraph 6 ...The documents having a bearing on this phase of the case are contained in document book marked “P,”...” в свою очередь русскоязычный перевод представлен следующим образом: «Теперь я хотел бы представить Трибуналу изложение предпоследнего акта агрессии нацистских заговорщиков, а именно: вторжения в СССР. Я хочу начать историю агрессии против СССР с 23 августа 1939 г.». Тем самым советскими переводчиками

производится опущение информации о пунктах, отрывках, абзацах, подзаголовках, номерах документов и место их нахождения.

Рассмотрев примеры характерные для второй группы можно утверждать, что англоязычные и немецкоязычные тексты обладают более высоким уровнем конкретизации, чем русскоязычный перевод. Большая часть примеров, связанная с опущением структуры документов, предоставляется в русскоязычном переводе, но не так подробно, как в исходном тексте.

В третью группу вошли случаи использования опущения, касающиеся упоминания выступающих. Так, например, в английском и немецком вариантах указания на авторство тех или иных высказываний были сохранены в следующем виде: VORSITZENDER/THE PRESIDENT, MAJOR JONES/MAJOR-JONES, OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES/LT. COL. GRIFFITH-JONES или GENERALMAJOR ZORYA/ GEN. ZORYA. В то же время в русскоязычном переводе данные указания опускаются. Как правило данные указания опускались в диалогических частях перевода, которые преобразовывались в целостный текст с минимум диалогических вкраплений.

Данную группу может проиллюстрировать следующий пример: нем. „VORSITZENDER: Würden Sie das Ende dieses Absatzes verlesen?“ и англ. “THE PRESIDENT: Would you read the end of that paragraph?”. В русскоязычном переводе данный фрагмент полностью опущен в том числе и указание на говорящего: «В абзаце первом этого доклада имеются материалы...».

В другом похожем примере: нем. „MAJOR JONES: Mit Eurer Lordschaft Erlaubnis möchte ich in einem späteren Stadium...“ и англ. “MAJOR JONES: With your Lordship's permission...”. Оба фрагмента на английском и немецком языках очень точно соответствуют друг другу. В русскоязычной версии «Предлагаю вниманию суда второй абзац документа ВБ-85, он гласит следующее» полностью опущено указание на говорящего.

Так, например, если в англоязычном “MAJOR-JONES: C-66. It is headed, ”Memorandum to Admiral Assmann; for his own information; not

to be used for publication” и немецкоязычном „MAJOR JONES: C-66. Es ist überschrieben: “Herrn Admiral Aßmann zur eigenen Information. Nicht für Veröffentlichungen zu verwenden”. В русскоязычном варианте: «Документ имеет следующий заголовок: «Меморандум адмиралу Асмону, для его сведения; публикации не подлежит» было опущено указание на говорящего. Примеры подобного рода достаточно многочисленны.

Рассмотрев данные примеры можно предположить, что русскоязычный жанр перевода стенограмм не предполагал большого количества диалогических вкраплений, не связанных напрямую с представлением доказательств, ведением судебного дела или допроса, а скорее с организацией судебного процесса или повторяющейся информацией. В этом случае имена говорящих опускались.

Теперь рассмотрим четвертую группу случаев применения опущений как переводческого приема, включающего в себя случаи, в которых опускаются клишированные элементы и семантически избыточной лексика. Подобные примеры составляют самую часто встречаемую разновидность опущения в переводе.

Рассмотрим следующий пример: предложении немецкого варианта „Der Gerichtshof wird bemerken...” и соответственно в англ. „The Tribunal will observe...”, где содержание передано без каких-либо опущений. При этом в русском переводе «Я сошлюсь на документ ВБ-78. Это заверение, данное Дании, Норвегии, Бельгии и Нидерландам 28 апреля 1939 г., то есть после того, как захват Чехословакии поколебал уверенность во всем мире.» данный фрагмент: обращение к суду был полностью опущен.

В другом предложении были выявлены следующие примеры: нем. „Das sind klare und eindeutige Zusicherungen...” и в англ. “Those are clear and positive assurances...”. В русскоязычном переводе опущено определение к слову заверения: «Таковы заверения, сделанные Германией».

Другой пример опущения, характерный для данной группы, представлен в следующем предложении. В немецком варианте „Der

Gerichtshof wird auch bemerken,[298] daß ein geringfügiger Schreibmaschinenfehler bezüglich des Datums der ersten Zusicherung vorliegt...“ и в англ. “The Court will notice that there is a minor typographical error in the date of the first assurance...”. Данный отрывок представлен в русскоязычном переводе следующим образом: «Как Трибунал заметит, нарушение этих заверений указано в статье 22 приложения «С» обвинительного заключения. Эти договоры и заверения представляли собой дипломатический ход, чтобы прикрыть грубую нацистскую агрессию против Дании и Норвегии.» Как можно заметить в русскоязычном переводе опущено описание типографической ошибки. Предполагается в силу того, что данная информация скорее всего не должна исказить содержание текста.

Подобный случай опущения имеется также и в следующем предложении немецкого и английского вариантов: „b. Kann die Gewinnung der Stützpunkte, sofern es kampflos nicht möglich ist, gegen den Willen Norwegens...“ и “(b) Can bases be gained by military force against Norway's...” здесь опущен семантически избыточный элемент перевода, так как из контекста ясно, что будут захватываться норвежские территории. В русскоязычном варианте данный фрагмент представлен следующим образом: «б) Если не будет возможности овладеть этими базами без борьбы, то можно ли рассчитывать на их захват посредством военной силы?», то есть в нём как раз опущен фрагмент, который можно перевести как против воли Норвегии.

Рассмотрим другой пример в данном предложении немецкий и английский варианты представлены без применения каких-либо опущений: „Wie bereits erwähnt, Herr Vorsitzender, trafen inzwischen durch Rosenbergs Organisation von Quisling Berichte ein...“ и в англ. „As I was saying, My Lord, while these decisions were being made reports were coming in through Rosenberg's organization from Quisling...“. В русскоязычном переводе «Как я говорил уже, в то время, как были приняты эти решения, от Квислинга...» было опущено обращение, которое осталось в английском и немецком вариантах: „Herr Vorsitzender“ и “My Lord”.

Данная группа опущений является самой крупной среди представленных, поскольку в неё вошли те случаи, которые переводчики могли посчитать семантически избыточными. Например, парные синонимы, повторяющиеся слова с синонимичным значением, обращения (к суду или отдельным участникам процесса), а также те части текста, которые являются логичным следствием предыдущего предложения или всего текста.

Последняя группа, которая будет рассмотрена в данном разделе это 5-я группа. В эту группу вошли те опущения, которые не могут быть добавлены не в одну из выше представленных групп.

Один из примеров опущений, представляющий данную группу, есть в следующих предложениях: в нем. „Es ist meine Pflicht, dem Gerichtshof das Beweismaterial der Anklagebehörde vorzulegen, das gemeinsam mit meinem amerikanischen Kollegen Major Hinely vorbereitet wurde...“ и в англ. “It is my duty to present to the Tribunal the Prosecution's evidence which has been prepared in collaboration with my American colleague, Major Hinely...” данный отрывок был переведён следующим образом на русский язык «Моя задача заключается в том, чтобы представить Трибуналу доказательства обвинения в этих грубых актах агрессии...», то есть в данном предложении наблюдается опущение имени американского коллеги-докладчика. Его имя также не указывается и в предыдущей части перевода, как это, например, было в примере, связанным с «Меморандумом адмиралу Асману».

Другой не менее интересный пример подобного рода опущений можно увидеть в 77-м предложении „Es ist zu prüfen, ob unter dem gemeinsamen Druck Rußlands und Deutschlands die Möglichkeit zur Gewinnung von Stützpunkten in Norwegen besteht...“ и „It must be ascertained whether it is possible to gain bases in Norway under the combined pressure of Russia and Germany...“ в русском переводе этот фрагмент переведён следующим образом: «Следует установить, имеется ли возможность... получить базы в Норвегии с целью существенного улучшения наших стратегических и оперативных

позиций». В русскоязычном варианте опущен фрагмент, где речь идёт о возможных, совместных действиях России и Германии.

Рассмотрим ещё один пример нем. “Es war damals naturgemäß nur von der Küste und von Stützpunkten die Rede, wobei ich Narvik mit einbezog, während Admiral Carls im Verlaufe des Briefwechsels auf Narvik glaubte verzichten zu können....” и англ. “Naturally, at the time, only the coast and bases were considered”, как можно заметить в английском варианте опущена значительная часть предложения. При этом в русскоязычной версии также как и в английской представлена только часть предложения: «Я также подчеркнул те преимущества, которые мы получили бы в результате захвата норвежского побережья...».

Другой пример нем. „Am 22. August wurde, wie bekannt, das Deutsch-Russische Abkommen unterzeichnet“ и англ. “On the 22d of August, as we have seen, the German-Soviet Pact was signed” эти два примера передают содержание чрезвычайно точно без каких-либо опущений. В русскоязычном переводе: «Быть может до того, как я буду предъявлять эти документы, мне следует в нескольких словах суммировать эти последние переговоры. 24 августа были даны приказы германской армии вступить в Польшу на следующее утро.». Здесь можно заметить, что значительная часть текста при переводе на русский язык была опущена.

Последний пример, иллюстрирующий данную группу опущений: нем. „Aßmann, den deutschen Marine-Historiker, und sie war daher wahrscheinlich für die Geschichtschreibung bestimmt“ и англ. „Assmann, who was the German naval historian, and so, presumably, was for the purposes of history“ как видно из представленных выше примеров англоязычные переводчики точно передали содержание оригинала, не прибегая к приёму опущения. В русскоязычном переводе «Доклад, по-видимому, был написан для того, чтобы изложить историю германского флота этого периода» в данном отрывке было опущено имя и должность того, кому полагалось вручить доклад.

Рассмотрев, представленные примеры характерные для 5-й группы можно прийти к выводу, что данные случаи опущений не

подходят под критерии остальных групп, а также носят несколько иной характер. Можно предположить, что данные опущения были произведены либо для того, чтобы не обнародовать некоторые данные, которые могли бы негативным образом сказаться на послевоенном СССР, либо из соображений цензуры.

Таким образом, рассмотрев случаи использования трансформации опущения, можно утверждать, что английские переводчики гораздо реже использовали приём опущения, чем советские переводчики. Большинство примеров опущений были мотивированы семантически избыточными элементами, которые в русском переводе не упоминались. При опущении инвентарного номера документов далеко не всегда производилось его полное опущение. Структура документов опускалась лишь частично, то есть предоставлялись основные ссылки на источники, но без указаний страниц и абзацев. Кроме того некоторые фрагменты текста, связанные с организационными моментами ведения судебного процесса или незначительными проблемами как правило опускались в русскоязычном переводе. Есть также предположение, что некоторые фрагменты в переводе были опущены по экстралингвистическим причинам.

2.3. Анализ использования приёма замены в переводах материалов Нюрнбергского процесса

Замена, как переводческий приём, обладает множеством различных типов. Так, согласно Л. С. Бархударову, замена подразделяется на замены форм слова, частей речи, членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, а также лексические замены, которые подразделяются на конкретизацию и генерализацию. Кроме того выделяются также такие специфические типы замены, как антонимический перевод и компенсация [Бархударов, 1975].

При анализе стенограмм речей обвинения на Нюрнбергском процессе было обнаружено, что замена является одной из самых

часто встречаемых трансформаций, примененных переводчиками на русский и английский языки. Методом сплошной выборки было отобрано 86 случаев использования переводческого приёма замены. При этом было выделено 6 типов замены, чаще всего использовавшиеся при переводе стенограмм. Так замена членов предложения представлена 22-мя случаями использования, лексическая замена или конкретизация насчитывает 9 случаев, замена формы слова представлена 10 случаями, замена частей речи насчитывает 9 случаев применения, генерализация имеет представлена 1 случаем и синтаксическая замена в сложном предложении использовалась переводчиками в 35-ти случаях. Данные представлены в диаграмме 1.

Рассмотрим примеры использования замены членов предложения в рамках которой необходимо перестроить синтаксическую структуру предложения, в результате которой изменятся синтаксические функции языковых единиц [Бархударов, 1975]. В данном предложении немецкого варианта „*Es ist meine Pflicht, dem Gerichtshof das Beweismaterial der Anklagebehörde vorzulegen...*“ и в англ. „*It is my duty to present to the Tribunal the Prosecution's evidence ...*“, где советские переводчики использовали приём замены членов предложения, в результате чего предикат стал подлежащим «Моя задача заключается в том, чтобы представить

Трибуналу доказательства обвинения в этих грубых актах агрессии...».

Подобный случай замены есть и в немецком варианте: в следующем предложении нем. „*Hoher Gerichtshof!*“ и в русс. «Господа судьи!», которые в английском варианте будут переводится как “*May it please the Tribunal...*”. В результате чего подлежащее преобразуется в дополнение.

Рассмотрим другой пример в следующем предложении: немецком варианте „*Ich bitte den Gerichtshof...*“ и в английском „*The Court will observe...*“, в рамках которого дополнение было преобразовано в подлежащее. В свою очередь фрагмент данного текста был опущен в русскоязычном переводе.

Другой такой пример есть в предложении „*Das Dokument trägt die Überschrift...*“ в английском и русском вариантах видно, как переводчик преобразовал предложение из активного залога в пассивный «*Этот документ озаглавлен...*» и в англ. “*The document is headed...*”.

В следующем предложении имеется ещё один пример замены, в рамках которой пассивная конструкция немецкого и английского вариантов: нем. „*Die Erklärung wurde den Vertretern der Polnischen Regierung gegeben.*“ и англ. “*Warsaw on 16 February 1937, which is contained in the report of the Polish Government.*” переводится на русский в активной форме в результате, чего меняются члены предложения «Это заявление Геринг сделал представителям польского правительства, я цитирую...».

Другой тип замены, который был проанализирован, называется лексическая замена или конкретизация, которая требует грамматических трансформаций и изменения структуры предложения, а также частей речи. Л. С. Бархударов отмечает, что при переводе английских текстов использование лексической замены оправдано необходимостью избегания повторений и конкретизации абстрактных значений. Лексическая замена может быть также вызвана и системно-структурными различиями между ИЯ и ПЯ как

правило это связано со стилистическими особенностями языка [Бархударов, 1975].

Рассмотрим один из примеров лексической замены предложения: нем. „*Einleitung*“, где советские и английские переводчики перевели „*Einleitung*“ как «преамбула» или “preamble”, то есть таким образом было подобрано стилистически более подходящее слово для данного типа текстов с более узким значением, чем просто «введение» или «вступление».

В следующем предложении также был использован приём конкретизации, где нем. „*In erster Linie* waren es Raeder und Rosenberg...“ и англ. “*The chief instruments* of persuasion were Raeder and Rosenberg...” переводится на русский язык как «Главными действующими лицами этого убеждения были Редер и Розенберг...», то есть тем самым были подобраны варианты языковых единиц с более узким значением, чем в немецком варианте.

Ещё один такой тип замены наблюдается в предложении, где немецкий вариант „*das Deutsche Reich*“ и английский “*the German Reich*” были переведены как «германского правительства», то есть было выбрано слово с более узким значением ни государство или рейх, а правительство.

Рассмотрим другой пример нем. „*Angeklagten...*“ и англ. „*defendants...*“ при переводе данных предложений использовался переводческий приём конкретизация в результате чего был выбран вариант «нацистские заговорщики»: русс. «Теперь я хотел бы представить Трибуналу изложение предпоследнего акта агрессии нацистских заговорщиков, а именно: вторжения в СССР.»

В переводе стенограмм представлен и другой тип замены: замена формы слова, при которой может быть преобразовано число существительного или время глагола и т.д. [Бархударов, 1975].

Так, например, в предложении немецкого и английского вариантов: нем. „Die Dokumente *werden beweisen*, daß...” и англ. „The *documents will show* that...” при переводе на русский язык было преобразовано число существительного из множественного в

единственное, а также время из будущего в настоящее: «Документ показывает...».

Рассмотрим пример замены формы слова в предложении, где немецкий вариант „Der Gerichtshof wird bemerken...“ на русский и английский язык будущее время переводится на английский и русский языки настоящим временем русс. «Сейчас вы увидите...» и англ. “The Tribunal sees...”.

Среди представленных типов замен в переводе данных стенограмм был также обнаружен и такой тип замены, как замена частей речи. В качестве примера подобного типа рассмотрим предложение, где в английском и немецком вариантах „die äußerste Wertlosigkeit...“ и англ. “the utter worthlessness...” Представленное выше словосочетание было переведена на русский язык следующим образом: «Это показывает, что договоры, подписанные подсудимым Риббентропом, ровно ничего не стоили», то есть тем самым произошло преобразование частей речи.

Рассмотрим другой пример в переводе предложения немецкого варианта „Angelegenheit Norwegen“ на русский и английский данный фрагмент был переведён следующим образом: англ. “Norwegian Question“ and the first sentence reads” и русс. «Отчет озаглавлен: «Норвежский вопрос» и начинается» язык, как «норвежский вопрос», то есть при переводе произошло преобразование части речи из существительного в прилагательное.

Другая трансформация, которая будет рассмотрена далее, считается противоположностью конкретизации: генерализация. При генерализации единица ИЯ заменяется единицей ПЯ с более широким значением [Бархударов, 1975].

Один из примеров использования генерализации можно видеть в немецком „die Nazi-Regierung“ и английском вариантах „the Nazi Government“ данный фрагмент было переведено следующим образом на русский язык: «2 сентября 1939 г. германское правительство дало ещё одно заверение». Тем самым был подобран эквивалент с более широким значением, чем тот, который представлен в английском и немецком вариантах.

К одному из часто используемых типов замены при переводе стенограмм Нюрнбергского процесса относится синтаксическая замена в сложном предложении. Согласно Л. С. Бархударову в сложных предложениях имеет место замена простого предложения сложным, главного придаточным, подчинения сочинением, союзного бессоюзным и наоборот. Это обусловлено различиями в грамматике и структуре предложений [Бархударов, 1975].

Рассмотрим пример использования данной замены в данном предложении в немецком и английском вариантах „Der Gerichtshof wird sogleich sehen, daß die Invasion Dänemarks durch die Nazi-Truppen noch nicht ein Jahr nach der Unterzeichnung dieses Vertrages die äußerste Wertlosigkeit von Verträgen zeigte, unter die der Angeklagte Ribbentrop seine Unterschrift setzte.“ и “The Tribunal will shortly see that less than a year after the signature of this treaty the invasion of Denmark by the Nazi forces was to show the utter worthlessness of treaties to which the Defendant Ribbentrop put his signature.” предложения остаются сложными, а в русском переводе структура предложения была упрощена в силу того, что переводчик разбил одно предложение на два менее распространённых, чем в английском и немецком вариантах: «Вскоре Трибунал увидит, что менее чем через год после подписания этого договора было осуществлено вторжение нацистских войск в Данию. Это показывает, что договоры, подписанные подсудимым Риббентропом, ровно ничего не стоили.».

Подобный пример представлен в следующем предложении немецкого варианта „Im Falle Norwegen waren der Angeklagte Ribbentrop und die Nazi-Verschwörer an einem ähnlichen Treubruch beteiligt“ и английского “With regard to Norway, the Defendant Ribbentrop and the Nazi conspirators were party to a similar perfidy.”, где при переводе на русский была частично изменена синтаксическая структура сложного предложения, через замену обстоятельства придаточным в начале предложения. В русском переводе это выглядит следующим образом: «Что касается Норвегии, то подсудимый Риббентроп и нацистские заговорщики подписали такой же обманный документ».

В следующем примере при переводе предложения: нем. „Eine weitere Zusicherung gab die Nazi-Regierung am 2. September 1939, wie sich der Gerichtshof erinnern wird, am Tage nach dem Nazi-Einfall in Polen“ и англ. „A further assurance was given by the Nazi Government on the 2d of September 1939 which, as the Tribunal will recollect, was the day after the Nazi invasion of Poland.“. Сложноподчинённое предложение в немецком было преобразовано в простое предложение русс. «2 сентября 1939 г. германское правительство дало еще одно заверение.».

В другом предложении немецкого варианта наблюдается сложное предложение „In Skandinavien, in dem nach dem Weltkrieg von 1914/1918 eine immer ausgesprochenere pro-angelsächsische Einstellung, auf wirtschaftlicher Grundlage fußend, vorherrschend wurde, legte das Amt den ganzen Nachdruck auf eine Einwirkung über die allgemein kulturellen Beziehungen zu den nordischen Völkern“, которое при переводе на русский и английский языки было преобразовано в два простых «В Скандинавии после войны 1914—1918 гг. открыто преобладало проанглосаксонское течение, основанное на экономических расчетах. Внешнеполитический отдел отмечал значение общих культурных отношений с суверенными народами...» и в англ. “In Scandinavia a progressively more outspoken pro-Anglo- Saxon attitude based on economic considerations had become more dominant after the World War of 1914-18. There the bureau put the entire emphasis on influencing general cultural relations with the Nordic peoples”.

При переводе данного предложения в немецком „Hier ist der Text des Erlasses des Deutschen Auswärtigen Amtes vom 28. April 1938, und ich möchte den Beginn und dann den vorletzten Absatz der Seite vorlesen...“ и английском вариантах „This is the text of the German Foreign Office release on the 28th of April 1938, and I would read the beginning and then the last paragraph but one on the page...“ становится ясно, что советские переводчики преобразуют это сложное предложение в простое «В заявлении германского

министерства иностранных дел от 28 апреля 1938 г.—документ ПС-2719, ВБ-58 — говорится...».

Таким образом проанализировав представленные стенограммы на наличие переводческого приёма замены было выявлено, что данная трансформация использовалась весьма широко советскими переводчиками при работе с материалами Нюрнбергского процесса, что свидетельствует о широком использовании таких её типов, как замена членов предложения, лексическая замена (конкретизация), замена формы слова, замена частей речи, генерализация и синтаксическая замена в сложном предложении.

Выводы по главе 2

Обзор теоретических работ исследователей, посвящённых переводческим приёмам замены и опущения позволил сделать вывод о том, что данные трансформации являются одними из самых частотных при переводе юридических текстов. При этом трансформация опущения, по мнению некоторых исследователей, считается одной из наиболее редко используемых трансформаций среди самых частотных трансформаций юридического перевода несмотря на то, что сам жанр юридического перевода предполагает передачу всего содержания с минимумом потерь.

Проанализировав и сравнив три рабочих текста на немецком, английском и русском языках была представлена их краткая характеристика, в основу которой легло сравнение стенограмм речей обвинения. Были указаны различия текстов в оформлении, а также дата их публикации.

Проанализировав трансформацию опущения на материалах Нюрнбергского процесса, был сделан вывод о том, что английские и американские переводчики гораздо реже использовали опущение, чем советские переводчики. Большинство случаев, при которых советские переводчики использовали опущение были вызваны опущением полного наименования документа, его инвентарного номера, указания на структуру, указание на говорящих, клише,

семантически избыточных элементов, а также экстралингвистическими факторами в русском переводе.

Замена в свою очередь использовалась гораздо чаще советскими переводчиками, чем опущение, что подтверждает ранее высказанную идею исследователей о высокой частоте использования трансформации замены. Как правило использовались следующие типы замены при переводе на русский язык: замена членов предложения, лексическая замена (конкретизация), замена формы слова, замена частей речи, генерализация и синтаксическая замену в сложном предложении, что также свидетельствует об использовании всего потенциала данной переводческой трансформации.

Заключение

Проблемы юридического перевода изучаются в рамках различных школ и направлений, что свидетельствует об актуальности вопроса о практике перевода юридических текстов, а также об интересе исследователей к данной тематике.

Юридический дискурс и его жанровая организация тесно связаны друг с другом. Данный тип дискурса представлен разнообразными жанрами, обусловленными институциональными нормами ведения судебного процесса, являющимися характерными для определённого жанра юридического дискурса.

Переводческие трансформации опущение и замена являются одними из самых частотных при переводе юридических текстов. Переводчиками широко используются различные типы замен при переводе текста с английского или немецкого языка на русский. При этом опущение также нашло широкое применение в переводе стенограмм Нюрнбергского процесса.

Трансформация опущение при переводе стенограмм Нюрнбергского процесса активно использовалась в случаях с опущением инвентарного номера документов, их структуры, указанием говорящего, а также предположительно с некоторыми экстралингвистическими факторами. Замена в свою очередь активно

использовалась при замене членов предложения, конкретизации, замене формы слова, замене частей речи и генерализации.

Список использованной литературы

Александрова О. А., Коварская Н. А. Трансформации при переводе юридических терминов // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2016. – № 4 (8). – С. 1 – 4.

Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: НОРМА. – 2001. – С. 752.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1990. – С. 136—137.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. – 1969. – С. – 607.

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари. – 1997. – С. 732.

Барабаш О. В., Мещерякова О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 152-161.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международ. отношения». – 1975. – С. 240.

Бородина А. В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода. – Тверь.: Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 2. – С. 37 – 44.

Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж. – 2016. – С. 133-151.

Бушев А. Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов. Юрислингвистика // Лингвоконфликтология и юриспруденция. – 2010. – № 10. – С. 21 – 25.

Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. [Electronic resource] Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. – Барнаул. – 2000. – С. 8-39.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул. – 1999. – С. 11-58.

Денина О. О. Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11. – С. 186-191.

Занковец О. В., Петрусенко Н. А. Особенности перевода терминов права // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Минск. – 2019. – С. 191-197.

Звада О. В. К вопросу о специфике юридических текстов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Тольятти. – 2019. – № 2. – С. 1-5.

Ивлева А. Ю., Уваров Д. Д. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в России – классификация и стратегии // Таврический научный обозреватель. – Ялта – 2017. – № 6 (23). – С. 88-93.

Иконникова В. А. Лингвокультурологический подход к исследованию англоязычной юридической терминологии // Наука и школа. – М, 2013. – С. 87-91.

Киндеркнехт А. С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2 (52). – С. 242-246.

Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых : учеб. пособие. – М. : ЧеРо, 2000. – С. 136 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк. – 1990. – С. 253.

Костромичёва М. В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права // Среднерусский вестник общественных наук. - 2007. - № 3 (4). - Т. 2 - С. 57-61.

Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологи и искусствоведения. - 2008. - № 3. - С. 188—192.

Кожемякин, Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика - 11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сборник науч. тр. - Кемерово. - 2011. - С. 131-145.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. - 5-е изд., стер. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. - С. 464.

Лебедева Н. С., Рагинский М. Ю., Павлицев К. С., Ежов В. Д. Нюрнбергский процесс / Пер. с нем. Щемелева-Стенина Е. Е., Боев А. В., Петров А. В. / Пер. с англ. Валицкая В. И., Боганьков М. В. - Изд-во М. Юридическая литература. Т. 2. 1988. - С. 478-623.

Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей. - 1996. - С. 208.

Муццинина М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. ст. - Барнаул. - 2004. - С. 2.

Некрасова Т. П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 - Москва. - 2013.

Панкратова Е. А. Особенности межкультурной коммуникации специалистов юридического профиля // Языки профессиональной коммуникации. - Челябинск: Изд-во ЧелГУ. - 2012. - С. 203.

Подзолкова И. Р. Применение лексических трансформаций при переводе текстов дипломатических документов // Язык и культура. - Новосибирск.: Изд-во Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества». - 2012. - С. 172-177.

Попова Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций. Семантический и прагматический аспект: автореф. дис... канд. филол. Наук. – Краснодар. – 2005. – С. 22.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения. – 1974. – С. 216.

Савина Е. С. К вопросу о многозначности французской юридической терминологии // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2011. – №11. – С. 95–100.

Сафронова Т. С. Особенности понятия «юридический дискурс» // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник. – 2016. – № 5-4. – С. 86–91.

Семко С. А. О герменевтическом аспекте перевода / С. А. Семко, Г. П. Рябов // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: сб. науч. тр. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1998. – Ч. 2.

Солдатова А. А. К вопросу о классификации переводческих трансформаций в юридическом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 1. – С. 96–101.

Солдатова А. А. Переводческие трансформации юридического текста // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2013. – № 5. – С. 63–65.

Солдатова А. А. Переводческие трансформации юридического текста // Вестник Московского государственного университета. Серия: лингвистика. – М. Изд-во.: Московский государственный областной университет – 2010. – С. 63–65.

Сухарев А. Я., Рагинский М. Ю., Павлицев К. С., Зоря Ю. Н., Кульков Е. Н., Лебедева Н. С., Щемелева Е. Е. Нюрнбергский процесс / Пер. с англ. Валицкая В. И., Боганьков М. В. – Изд-во М. Юридическая литература. Т. 2. 1988. – С. 88–489.

Торгашева М. В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. – Кемерово, 2011. – С. 157–163.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 412—527.

Царенкова Н.А., Трудности перевода в современном мире (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. Вестник науки и образования № 3(81). Часть 1. 2020. – С. 46-51.

Чернышев, А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики / А.В. Чернышев // Слово.Ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2. – С. 22-28.

Чепак О. А, Черниговский М. В. К вопросу о переводческих трансформациях при передаче юридического текста с английского языка на русский (на примере правовых документов) // Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 172-175.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Изд.-во.: М. – 1985 – С. 215.

Cao D. Translating law // Series Editors: Susan Bassnett, University of Warwick and Edwin Gentzler, University of Massachusetts, Amherst. – Clevedon, Buffalo, Toronto. – 2007 – P. 7-158.

Forstner M. Zur Fachterminologie der juristischen Übersetzung // Вестник МГЛУ. Выпуск 14 (725). – 2015 – С. 100-112.

Kjaer A-L. Überlegungen zum Verhältnis von Sprache und Recht bei der Übersetzung von Rechtstexten der Europäischen Union // Gunter Narr Verlag Tübingen. – 1999 – S. 63-79.

Schmidt-König Ch. Die Problematik der Übersetzung juristischer Terminologie- Eine systematische Darstellung an Beispiel der deutschen und französischen Rechtssprache. – Münster – 2005.

Stolze R. Rechts und Sprachvergleich beim Übersetzen juristischer Texte // Gunter Narr Verlag Tübingen. – 1992 – S. 223-236.

Šarčević S. Das Übersetzen normativer Rechtstexte // Gunter Narr Verlag Tübingen. – 1999 – S. 103-118.

Harris Z.S. Papers in Structural and Transformational Linguistics. Dordrecht, 1962.

Trial of the major war criminals before the international military tribunal 1947 // V. 7. Nuremberg. – P. 77-403.

Trial of the major war criminals before the international military tribunal 1947 // V. 3. Nuremberg. – P. 152-447.

Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg [Electronic resource] Режим доступа: <http://www.zeno.org/Geschichte/M/Der+Nürnberg+Prozeß>

Красный цвет обозначает опущения.
 Синий цвет обозначает замену.

Приложение

<p>MAJOR F. ELWYN JONES, HILFSANKLÄGER FÜR DAS VEREINIGTE KÖNIGREICH:</p>	<p><u>Стенограмма</u> <u>заседаний Международного</u> <u>военного трибунала</u> <u>от 6 и 7 декабря 1945 г.</u> <u>Том 3. Стр. 258</u></p>	<p><u>Volume 3. P. 261</u> MAJOR F. ELWYN JONES (Junior Counsel for the United Kingdom):</p>
<p>(1) Hoher Gerichtshof! In den frühen Morgenstunden des 9. April 1940 fiel Nazi-Deutschland in Norwegen und Dänemark ein.</p>	<p>Господа судьи! Рано утром 9 апреля 1940 г. нацистская Германия вторглась в Норвегию и Данию.</p>	<p>May it please the Tribunal, in the early hours of the morning of the 9th of April 1940 Nazi Germany invaded Norway and Denmark.</p>
<p>(2) Es ist meine Pflicht, dem Gerichtshof das Beweismaterial der Anklagebehörde vorzulegen, das gemeinsam mit meinem amerikanischen Kollegen Major Hinely vorbereitet wurde; es erstreckt sich auf diese brutalen Angriffskriege, die zugleich Kriege in Verletzung internationaler Verträge, Abkommen und Zusicherungen waren.</p>	<p>Моя задача заключается в том, чтобы представить Трибуналу доказательства обвинения в этих грубых актах агрессии, совершенных в нарушение международных договоров, заверений и обязательств.</p>	<p>It is my duty to present to the Tribunal the Prosecution's evidence which has been prepared in collaboration with my American colleague, Major Hinely, with regard to these brutal wars 'of aggression,. which were also wars in violation of international treaties, agreements, and assurances.</p>
<p>(3) Mit Erlaubnis des Gerichtshofs möchte ich mich zuerst mit den Verträgen, Abkommen und Zusicherungen</p>	<p>С разрешения Трибунала, я хотел бы коснуться договоров, заверений и обязательств, которые были нарушены</p>	<p>With the Court's permission I would like, first of all, to deal with the treaties and agreements and assurances that</p>

befassen, die durch diese beiden Invasionen von Norwegen und Dänemark tatsächlich verletzt wurden	вторжением в Данию и Норвегию.	were in fact violated by these two invasions of Norway and Denmark.
(4) [295] Die Invasionen waren natürlich in erster Linie Verletzungen der Haager Konvention und des Kellogg-Briand-Paktes.	Прежде всего это было нарушением Гаагской Конвенции и пакта Бриана — Келлога	The invasions were, of course, in the first instance violations of the Hague Convention and of the Kellogg-Briand Pact.
(5) Mein verehrter Freund, Sir David Maxwell-Fyfe, hat sich bereits mit diesen Tatbeständen bei Vorlage des Beweismaterials befaßt.	Мой уважаемый коллега сэр Дэвид Максвелл-Файф уже коснулся этого вопроса вчера, но в дополнение к этим общим договорам были специальные соглашения между Германией, с одной стороны, и Данией и Норвегией — с другой.	My learned friend, Sir David Maxwell-Fyfe, has already dealt with those matters in the course of his presentation of the evidence.
(6) Außer diesen allgemeinen Verträgen bestanden spezielle Vereinbarungen zwischen Deutschland und Norwegen beziehungsweise Dänemark.		In addition to these general treaties, there were specific agreements between Germany and Norway and Denmark.
(7) In erster Linie bestand ein Schiedsgerichts- und Vergleichsvertrag zwischen Deutschland und Dänemark , der in Berlin am 2. Juni 1926 unterzeichnet worden war.	Во-первых, был договор об арбитраже и мирном урегулировании между Германией и Данией, подписанный 2 июня 1926 г. в Берлине, документ ВБ-76 .	In the first instance there was the Treaty of Arbitration and Conciliation between Germany and Denmark , which was signed at Berlin on 2 June 1926.

<p>(8) Der Gerichtshof wird diesen Vertrag, TC-17, auf der ersten Seite des britischen Dokumentenbuches Nr. 3 finden. (8.1) Diesem Beweisstück dürfte die Nummer GB-76 gegeben werden.</p>		<p>The Court will find that treaty, TC-17, on the first page of British Document Book Number 3; and to that exhibit it may be convenient to give the Number GB-76.</p>
<p>(9) Ich schlage vor, nur den ersten Artikel dieses Vertrages zu lesen, der wie folgt lautet: »Die vertragschließenden Teile verpflichten sich, alle Streitigkeiten irgendwelcher Art, die zwischen Deutschland und Dänemark entstehen und nicht in angemessener Frist auf diplomatischem Wege geschlichtet werden können, und die nicht mit Zustimmung beider Parteien dem Ständigen Internationalen Gerichtshof unterbreitet werden, nach Maßgabe des gegenwärtigen Vertrages entweder einem Schiedsgerichtsverfahren oder einem Vergleichsverfahren zu unterwerfen.</p>	<p>Я намереваюсь огласить лишь первую статью этого договора, которая гласит: «Договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с настоящим договором, передавать на рассмотрение арбитражной или примирительной комиссии все споры любого характера, которые могут возникнуть между Германией и Данией и которые не окажется возможным решить в течение надлежащего периода времени дипломатическим путем, или передать, с согласия обеих сторон, Постоянной палате международного правосудия.</p>	<p>I am proposing to read only the first article of that treaty, which is in these terms: "The contracting parties undertake to submit to the procedure of arbitration or conciliation, in conformity with the' present treaty, all disputes of any nature whatsoever which may arise between Germany and Denmark, and which it has not been possible to settle within a reasonable period by diplomacy or to bring with the consent of both parties, before the Permanent Court of International Justice.</p>

<p>(11) In den folgenden Artikeln ist die technische Ausgestaltung des Schiedsverfahrens behandelt.</p>		<p><i>Volume 3. P. 262</i> Then there follows in the remaining articles the establishment of the machinery for arbitration.</p>
<p>(13) Der Gerichtshof findet diese Urkunde als Beweisstück TC-24 im Dokumentenbuch; es wird die Beweisstück-Nummer GB-77 tragen.</p>	<p>Это документ ВБ-77.</p>	<p>The Court will find that as Document TC-24 in the document book and it will now bear the Exhibit Number GB-77.</p>
<p>(14) Mit Erlaubnis des Gerichtshofs möchte ich zur Identifizierung des Unterzeichners dieses Vertrages die Einleitung und die Artikel 1 und 2 verlesen:</p>	<p>С разрешения Трибунала и ввиду того, что договор был подписан подсудимым, я хотел бы огласить преамбулу и первые две статьи:</p>	<p>With the Court's permission, in view of the identity of the signatory of that treaty, I would like to read the Preamble and Articles 1 and 2.</p>
<p>(15) »Der Deutsche Reichskanzler und Seine Majestät der König von Dänemark und Island, fest entschlossen, den Frieden zwischen Deutschland und Dänemark unter allen Umständen aufrechtzuerhalten, sind übereingekommen, diesen Entschluß durch einen Staatsvertrag zu bekräftigen, und haben zu Bevollmächtigten</p>	<p><u>Том 3. Стр. 259</u> «Его Величество король Дании и Исландии и канцлер Германской империи, полные решимости поддержать мир между Данией и Германией при всех обстоятельствах, согласились подтвердить эту решимость путем договора и назначили в качестве уполномоченных...</p>	<p>The Chancellor of the German Reich and His Majesty, the King of Denmark and Iceland, being firmly resolved to maintain peace between Denmark and Germany in all circumstances, have agreed to confirm this resolve by means of a treaty and have appointed as their Plenipotentiaries: The Chancellor of the German Reich . . .</p>

ernannt:		and His Majesty, the King of Denmark and Iceland"
(16) Artikel 1 lautet wie folgt: »Das Deutsche Reich und das Königreich Dänemark werden in keinem Falle zum Kriege oder zu einer anderen Art von Gewaltanwendung gegeneinander schreiten.	Статья 1. Королевство Дании и Германская империя ни в коем случае не будут прибегать к войне или к какому-либо другому использованию силы один против другого.	Article 1 reads as follows: "The German Reich and the Kingdom of Denmark shall in no case resort to war or to any other use of force, one against the other.
(17) Falls es von Seiten einer dritten Macht zu einer Aktion der im Absatz 1 bezeichneten Art gegen einen der vertragschließenden Teile kommen sollte, wird der andere vertragschließende Teil eine solche Aktion in keiner Weise unterstützen.«	В случае, если вышеупомянутые действия будут предприняты третьей державой против одной из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона не будет никаким образом поддерживать эти действия».	"Should action of the kind referred to in Paragraph 1 be taken by a third power against one of the contracting parties, the other contracting party shall not support such action in any way."
(21) Der Gerichtshof wird sogleich sehen, daß die Invasion Dänemarks durch die Nazi-Truppen noch nicht ein Jahr nach der Unterzeichnung dieses Vertrages die äußerste Wertlosigkeit von Verträgen zeigte, unter die der Angeklagte Ribbentrop seine Unterschrift setzte.	(21) Вскоре Трибунал увидит, что менее чем через год после подписания этого договора было осуществлено вторжение нацистских войск в Данию. (21.1) Это показывает, что договоры, подписанные подсудимым Риббентропом, ровно ничего не стоили .	The Tribunal will shortly see that less than a year after the signature of this treaty the invasion of Denmark by the Nazi forces was to show the utter worthlessness of treaties to which the Defendant Ribbentrop put his signature.

<p>(22) Im Falle Norwegen waren der Angeklagte Ribbentrop und die Nazi-Verschwörer an einem ähnlichen Treubruch beteiligt.</p>	<p>Что касается Норвегии, то подсудимый Риббентроп и нацистские заговорщики подписали такой же обманный документ.</p>	<p>With regard to Norway, the Defendant Ribbentrop and the Nazi conspirators were party to a similar perfidy.</p>
<p>(23) In erster Linie beziehe ich mich auf Beweisstück TC-30, die nächste Urkunde in dem britischen Dokumentenbuch Nr. 3; sie wird die Beweisstück-Nummer GB-78 tragen.</p>	<p>Я сошлюсь на документ ВБ-78.</p>	<p>In the first instance I would refer to Document TC-30, which is the next document in the British Document Book 3 and which will bear the Exhibit number GB-78.</p>
<p>(24) Der Gerichtshof wird bemerken, daß es eine an Dänemark, Norwegen und Holland gegebene Zusicherung vom 28. April 1939 ist.</p>		<p>The Tribunal will observe that that is an assurance given <u><i>Volume 3. P. 263</i></u> to Denmark, Norway, Belgium, and the Netherlands on the 28th of April 1939.</p>
<p>(25) Dies geschah, nachdem die Besetzung der Tschechoslowakei das Vertrauen der Welt erschütterte hatte.</p>	<p>Это заверение, данное Дании, Норвегии, Бельгии и Нидерландам 28 апреля 1939 г., то есть после того, как захват Чехословакии поколебал уверенность во всем мире.</p>	<p>That, of course, was after the annexation of Czechoslovakia had shaken the confidence of the world; and this was presumably an attempt, now submitted by the Prosecution to be a dishonest attempt, to try to reassure the Scandinavian States.</p>

<p>(30) Eine weitere Zusicherung gab die Nazi-Regierung am 2. September 1939, wie sich der Gerichtshof erinnern wird, am Tage nach dem Nazi-Einfall in Polen.</p>	<p>2 сентября 1939 г. германское правительство дало еще <u>Том 3. Стр. 260</u> одно заверение.</p>	<p>A further assurance was given by the Nazi Government on the 2d of September 1939 which, as the Tribunal will recollect, was the day after the Nazi invasion of Poland.</p>
	<p>Это было через день после начала вторжения в Польшу.</p>	
<p>(31) Ich bitte den Gerichtshof, die nächste Urkunde im britischen Dokumentenbuch Nr. 3 einzusehen; es ist Dokument TC-31 und wird Beweisstück GB-79.</p>		<p>The Court will observe the next document in British Document Bobk 3 is the Document TC-31, which will be Exhibit GB-79.</p>
<p>(32) Es handelt sich um ein Aide-Mémoire, das dem Norwegischen Außenminister durch den Deutschen Gesandten in Oslo am 2. September 1939 überreicht wurde. Es lautet:</p>	<p>Этот документ — TC-31, ВБ-79, представляет собой памятную записку, врученную министру иностранных дел Норвегии германским посланником в Осло 2 сентября 1939 г. Цитирую:</p>	<p>That is an aide-memoire that was handed to the Norwegian Foreign Minister by the German Minister in Oslo on the 2d of September 1939. It reads:</p>
<p>(33) »Die Deutsche Reichsregierung ist entschlossen, gemäß den freundschaftlichen Beziehungen, die zwischen</p>	<p>«Германское правительство полно решимости, ввиду дружеских отношений, существующих между Норвегией</p>	<p>"The German Reich Government are determined, in view of the friendly relations which exist between Norway and Germany, under no</p>

<p>Norwegen und Deutschland bestehen, die Unverletzlichkeit und Integrität Norwegens unter keinen Umständen zu beeinträchtigen und das norwegische Staatsgebiet zu respektieren.</p>	<p>и Германией, ни при каких обстоятельствах не наносить ущерба целостности и неприкосновенности Норвегии и уважать территорию норвежского государства.</p>	<p>circumstances to prejudice the inviolability and integrity of Norway and to respect the territory of the Norwegian State.</p>
<p>(36) Es folgt schließlich die weitere deutsche Zusicherung an Norwegen, die als nächste Urkunde im Dokumentenbuch TC-32 erscheint; sie wird Beweisstück GB-80.</p>	<p>Далее идет еще одно заверение со стороны Германии в отношении Норвегии, документ TC-32, ВБ-80.</p>	<p>There follows, finally, the further German assurance to Norway, which appears as the next document in the book, TC-32, which will be Exhibit GB-80.</p>
<p>(37) Es handelt sich um eine Rede Hitlers vom 6. Oktober 1939.</p>	<p>Это речь Гитлера 6 октября 1939 г.</p>	<p>That is a speech by Hitler on the 6th of October 1939;</p>
<p>(38) Ich bitte den Gerichtshof, Abschnitt 2 zu Beginn der Seite einzusehen; der Auszug aus der Rede lautet wie folgt:</p>	<p>Во втором абзаце документа говорится:</p>	<p>and if the Court will observe Paragraph 2 at the top of the page, the extract from the speech reads as follows:</p>

<p>(41) Das sind klare und eindeutige Zusicherungen, die Deutschland gegeben hat.</p>	<p>Таковы заверения, сделанные Германией.</p>	<p><i>Volume 3. P. 264</i> Those are clear and positive assurances which Germany gave.</p>
<p>(42) Der Gerichtshof wird feststellen, daß die Verletzung dieser Zusicherungen in Paragraph 22, Anhang C, Seite 43 der Anklageschrift behandelt ist.</p>	<p>Как Трибунал заметит, нарушение этих заверений указано в статье 22 приложения «С» обвинительного заключения.</p>	<p>The Court will see that violation of those assurances is charged in Paragraph XXII of Appendix C of the Indictment at Page 43.</p>
<p>(43) Der Gerichtshof wird auch bemerken,[298] daß ein geringfügiger Schreibmaschinenfehler bezüglich des Datums der ersten Zusicherung vorliegt, die in der Anklageschrift als am 3. September 1939 gegeben erscheint.</p>		<p>The Court will notice that there is a minor typographical error in the date of the first assurance which is alleged in the Indictment to have been given on the 3rd of September 1939.</p>
<p>(44) Der Gerichtshof wird aus Dokument TC-31, Beweisstück GB-79, ersehen, daß die Zusicherung tatsächlich am 2. September 1939 gegeben wurde.</p>		<p>The Court will see from Document TC-31, which is Exhibit GB-79, that the assurance was in fact given on the 2d of September 1939.</p>
<p>(45) Diese Abkommen und Zusicherungen waren der</p>	<p>Эти договоры и заверения представляли собой диплома-</p>	<p>Now those treaties and assurances were the diplomatic background to</p>

<p>diplomatische Hintergrund für den brutalen Überfall der Nazis auf Norwegen und Dänemark.</p>	<p>тический ход, чтобы прикрыть грубую нацистскую агрессию против Дании и Норвегии.</p>	<p>the brutal Nazi aggression on Norway and Denmark, and the evidence which the Prosecution will now place before the Court will in my submission establish beyond reasonable doubt that these assurances were simply given to lull suspicion and cause the intended victims of Nazi aggression to be unprepared to meet the Nazi attack.</p>
<p>(49) In erster Linie waren es Raeder und Rosenberg, die ihn überredeten; Raeder, weil er glaubte, daß Norwegen strategisch wichtig sei, und weil er Ruhm für seine Kriegsmarine erstrebte; Rosenberg wegen seiner politischen Beziehungen zu Norwegen, die er zu entwickeln suchte.</p>	<p>Главными действующими лицами этого убеждения были Редер и Розенберг. <i>Том 3. Стр. 261</i> Редер — потому, что он считал Норвегию ватной со стратегической точки зрения, и потому, что он хотел прославить свой флот; Розенберг — в силу политических связей в Норвегии, которые он хотел развить.</p>	<p>The chief instruments of persuasion were Raeder and Rosenberg; Raeder because he thought Norway strategically important and because he coveted glory for his Navy, Rosenberg because of his political connections in Norway which he sought to develop.</p>
<p>(51) Das Beweismaterial für die ersten Phasen der Nazi-Verschworung, in Norwegen einzufallen, findet sich in einem Brief, den der Angeklagte Raeder am 10. Januar 1944 an Admiral Aßmann, den offiziellen deutschen Marinehistoriker, schrieb.</p>	<p>Что касается начальных стадий нацистского плана вторжения в Норвегию, то доказательства можно найти в письме подсудимого Редера от 10 января 1944 г. адмиралу Асману, официальному историку германского флота.</p>	<p>The evidence as to the early stages of the Nazi conspiracy to invade Norway is found in a letter which the Defendant Raeder wrote on the 10th of January 1944 to Admiral Assmann, the official German naval historian.</p>

<p>(52) Ich lege diesen Brief als Dokument C-66 vor; er wird Beweisstück GB-81.</p>	<p>Я представляю это письмо как документ C-66, ВБ-81.</p>	<p>I put in this letter, the document C-66, which will be Exhibit GB-81, and which the Court will find further on in this book of documents.</p>
<p>(53) Der Gerichtshof wird ihn weiter hinten in diesem Dokumentenbuch finden.</p>		
<p>(54) Ich möchte gleichzeitig erklären, daß in diesem Dokumentenbuch die Dokumente in die Nummernfolge der Serie eingefügt sind, zu der sie gehören, und nicht in die Reihenfolge, in der sie dem Gerichtshof vorgelegt werden.</p>		<p>I should explain that in this book of documents the documents are inserted in the numerical order of the series to which they belong and not in the order of their submission to the Court.</p>
<p>(55) Ich hoffe, daß dies eine geeignetere Form ihrer Zusammenstellung ist, als wenn sie in der Reihenfolge der Vorlage angebracht wären.</p>		<p>I am trusting that that will be a more convenient form of bundling them together than to set them down in the order of presentation.</p>

(56) VORSITZENDER: 66?		THE PRESIDENT: 66?
(57) MAJOR JONES: C-66. Es ist überschrieben: »Herrn Admiral Aßmann zur eigenen Information. Nicht für Veröffentlichungen zu verwenden.«	Документ имеет следующий заголовок: «Меморандум адмиралу Асману, для его сведения; публикации не подлежит».	<i>Volume 3. P. 265</i> MAJOR -JONES: C-66. It is headed, "Memorandum to Admiral Assmann; for his own information; not to be used for publication."
(60) Ich werde den ersten Satz auslassen.		I will omit the first sentence.
(61) Das Dokument ist, wie ich bereits gesagt habe, eine Mitteilung des Angeklagten Raeder an Admiral Aßmann.	Из последующих доказательств станет ясно, что это зашифрованное наименование плана вторжения в Норвегию и Данию.	The document which, as I have said, is a communication from the Defendant Raeder to Assmann reads as follows:
(64) Ich betonte dabei die Nachteile, die eine Besetzung von norwegischen Stützpunkten durch die Engländer für uns haben	В докладе я обратил внимание на тот ущерб, который причинили бы нам англичане захватом норвежских баз — господство над	In these notes I stressed the disadvantages which an occupation of Norway by the British would have for us: Control of the

<p>würde - Beherrschung der Ostsee-Eingänge, Flankierung unserer Seekriegsoperationen in der Nordsee und der Fliegerangriffe auf England, Druck auf Schweden - sowie die Vorteile des Besitzes der norwegischen Küste für uns -, Ausfallpforte nach Nordatlantik, keine englische Minenbarre möglich wie im Jahre 1917/18.</p>	<p>входом в Балтийское море, угроза с фланга для наших военно-морских операций в Северном море и налетов авиации на Англию, давление на Швецию.</p>	<p>approaches to the Baltic, outflanking of our naval operations and of our air attacks on Britain, pressure on Sweden.</p>
	<p>Я также подчеркнул те преимущества, которые мы получили бы в результате захвата норвежского побережья, — ворота для наступления в Северной Атлантике, утрата англичанами возможности установить минную блокаду, как в 1917—1918 гг.</p>	<p>I also stressed the advantages for us of the occupation of the Norwegian coast: Outlet to the North Atlantic, no possibility of a British mine barrier, as in th'e years 1917-18.</p>
<p>(65) - Es war damals naturgemäß nur von der Küste und von Stützpunkten die Rede, wobei ich Narvik mit einbezog, während Admiral Carls im Verlaufe des Briefwechsels auf Narvik glaubte verzichten zu können....</p>		<p>Naturally, at the time, only the coast and bases were considered;</p>
<p>(67) Ich werde hier einen Augenblick unterbrechen und später auf dieses Dokument zurückkommen, um dem Gerichtshof den ganzen Fall chronologisch vorzutragen.</p>		<p>I will pause in the reading of that document at that point and return to it later so that the story may be revealed to the Court in a chronological order.</p>

<p>(69) Dieser Brief, aus dem ich gerade einen Auszug verlesen habe, hat klar enthüllt, daß Raeder Hitler am 10. Oktober 1939 Bericht erstattete....</p>	<p><u>Том 3. Стр. 262</u> Это письмо показывает, что Редер сделал доклад Гитлеру Ю октября 1939 г. ...</p>	<p>This letter, an extract from which I have just read, has revealed that Raeder reported to Hitler on the 10th of October 1939 . . .</p>
<p>(70) [300] MR. BIDDLE: Von welchem Datum ist diese Niederschrift?</p>	<p>Член трибунала от США Биддл (прерывая обвинителя): Когда был написан этот доклад?</p>	<p>THE TRIBUNAL (Mr. Biddle): When was that report?</p>
<p>(71) MAJOR JONES: Die Niederschrift (C-66) sandte der Angeklagte Raeder im Januar 1944 an Aßmann, den deutschen Marine-Historiker, und sie war daher wahrscheinlich für die Geschichtschreibung bestimmt.</p>	<p>Элвин Джонс: Доклад был написан в январе 1944 года подсудимым Редером.</p>	<p><u>Volume 3. P. 266</u> MAJOR JONES: The report, C-66, was made in January 1944 by the Defendant Raeder to Assmann, who was the German naval historian, and so, presumably, was for the purposes of history.</p>
	<p>Доклад, по-видимому, был написан для того, чтобы изложить историю германского флота этого периода.</p>	

<p>(72) Bevor Raeder am 10. Oktober 1939 dem Führer Bericht erstattete, holte er ein zweites Gutachten über die norwegische Invasion ein.</p>	<p>До того, как Редер сделал доклад фюреру 10 октября 1939 г., Редер был другого мнения о вторжении в Норвегию.</p>	<p>Before Raeder's report of 10 October 1939 was made to the Fiihrer, Raeder got a second opinion on the Norwegian invasion.</p>
<p>(73) Am 3. Oktober stellte Raeder einen Fragebogen auf, auf den ich den Gerichtshof jetzt aufmerksam machen möchte.</p>	<p>3 октября он разослал указания.</p>	<p>On the 3rd of October Raeder made out the questionnaire to which I now invite the Court's attention.</p>
<p>(74) Es ist Dokument C-122, der Gerichtshof wird es als übernächstes, C-66, im Dokumentenbuch finden; es wird jetzt Beweisstück GB-82.</p>		<p>It is Document C-122 and the Court will find it next but one to C-66 in the document book.</p>
	<p>Это документ C-122, который я представляю под номером ВВ-82.</p>	<p>That will now be Exhibit GB-82.</p>

<p>(75) Wie der Gerichtshof sehen wird, trägt es die Überschrift: »Gewinnung von Operationsbasen in Norwegen (Auszug aus Kriegstagebüchern)« und das Datum vom 3. Oktober 1939.</p>	<p>Как Трибунал заметит, заголовок гласит: «Захват баз Норвегии» (выдержка из военного дневника, датированного 3 октября 1939 г.):</p>	<p>That, as the Tribunal will observe, is headed "Gaining of Bases' in Norway (extract from War Diary)" and bears the date of the 3rd of October 1939.</p>
<p>(76) Es lautet: »Chef Skl« - das war der Angeklagte Raeder - »hält es für notwendig, den Führer baldmöglichst mit den Überlegungen der Skl über die Möglichkeit zur Ausweitung der Operationsbasis nach Norden vertraut zu machen.</p>	<p>«Начальник штаба руководства войной на море считает необходимым как можно скорее ознакомить фюрера с соображениями штаба руководства войной на море о возможности расширения операционной базы на севере.</p>	<p>It reads: "The Chief of the Naval Operations Staff-who was the Defendant Raeder-"considers it necessary that the Fihrer be informed as soon as possible of the opinions of the Naval Operati'ons Staff on the possibilities of extending the operational base to the north.</p>
<p>(77) Es ist zu prüfen, ob unter dem gemeinsamen Druck Rußlands und Deutschlands die Möglichkeit zur Gewinnung von Stützpunkten in Norwegen besteht, mit dem Ziel einer grundsätzlichen Verbesserung unserer strategischen und operativen Lage.</p>	<p>Следует установить, имеется ли возможность... получить базы в Норвегии с целью существенного улучшения наших стратегических и оперативных позиций.</p>	<p>It must be ascertained whether it is possible to gain bases in Norway under the combined pressure of Russia and Germany, with the basic aim of improving our strategic and operational position.</p>

<p>(78) Folgende Fragen sind zu überprüfen:</p> <p>a. Welche Orte in Norwegen kommen als Stützpunkte in Frage?</p>	<p>Целесообразно уточнить следующие вопросы:</p> <p>а) Какие населенные пункты в Норвегии должны рассматриваться в качестве баз?</p>	<p>The following questions must be given consideration:</p> <p>"(a) What places in Norway can be considered as bases?</p>
<p>(79) b. Kann die Gewinnung der Stützpunkte, sofern es kampflos nicht möglich ist, gegen den Willen Norwegens militärisch erzwungen werden?</p>	<p>б) Если не будет возможности овладеть этими базами без борьбы, то можно ли рассчитывать на их захват посредством военной силы?</p>	<p>"(b) Can bases be gained by military force against Norway's will if it is impossible to carry this out without fighting?</p>
<p>(80) c. Wie ist die Verteidigungsmöglichkeit nach Inbesitznahme?</p>	<p>в) Каковы оборонительные возможности после захвата?</p>	<p>"(c) What are the possibilities of defense after the occupation?</p>
<p>(84) In unserem Besitz ist weiterhin ein Dokument C-5.</p>		<p>There is, in our possession, a document C-5, to find which it will be necessary for the Court to go back in the document book to the first of the C exhibits.</p>

<p>(85) Um es zu finden, muß der Gerichtshof im Dokumentenbuch bis zum ersten der C-Beweisstücke zurückblättern.</p>		
<p>(87) [301] Es ist ein Memorandum des Angeklagten Dönitz über norwegische Stützpunkte.</p>	<p>Это меморандум, написанный подсудимым Деницем, относительно норвежских баз, который, по-видимому, имеет отношение к вопросам, выяснявшимся в предыдущем документе подсудимым Редером.</p>	<p>This is a memorandum written by the Defendant Donitz on Norwegian bases.</p>
<p>(88) Wahrscheinlich bezieht es sich auf den Fragebogen des Angeklagten Raeder, der, wie ich erwähnt habe, gerade zu der Zeit in Umlauf gesetzt worden war.</p>		<p>It presumably relates to the questionnaire of the Defendant Raeder which, as I have indicated, was in circulation at about that time.</p>
<p>(89) Das Dokument trägt die Überschrift »Befehlshaber der Unterseeboote, Operations-Abteilung« und ist als »Geheime Kommandosache« gekennzeichnet.</p>	<p>Этот документ озаглавлен: «Главно-командующий подводным флотом.</p>	<p>The document is headed, "Commander of the <u>Volume 3. P. 267</u> U-boat Fleet; Operations Division," and is marked "most secret."</p>
<p>(90) Ich möchte jetzt den letzten Absatz III verlesen: »Es wird daher beantragt:</p>	<p><u>Том 3. Стр. 263</u> Я намереваюсь прочесть последний параграф: «Поэтому предлагается</p>	<p>I am proposing to read the last paragraph, 111: "The following is therefore proposed:</p>

<p>1. Einrichtung eines Stützpunktes in Trondheim, hierzu:</p> <p>a. Versorgungsmöglichkeit mit Betriebsstoffen, Preßluft, Sauerstoff, Proviant.</p>	<p>следующее:</p> <p>1) Создание базы в Тронхейме, включая:</p> <p>а) возможность поставок горючего, сжатого воздуха, кислорода, провианта,</p>	<p>"(1) Establishment of a base in Trondheim, including:</p> <p>"a) Possibility of supplying fuel, compressed air, oxygen, provisions;</p>
<p>(91) Das ist ein Dönitz-Memorandum.</p>	<p>Это — меморандум Деница.</p>	<p>That is a Donitz memorandum.</p>
<p>(92) Wie der Gerichtshof aus Raeders Bericht an Aßmann ersah, hatte Hitler im Oktober 1939 den norwegischen Angriff lediglich in Betracht gezogen und sich noch nicht darauf festgelegt, obwohl Hitler, wie der Gerichtshof bald sehen wird, für Einflüsterungen, das Gebiet anderer Länder anzugreifen, sonst sehr empfänglich war.</p>	<p>Как Трибунал уже знает из письма Редера к Асману, в октябре 1939 года Гитлер лишь обдумывал возможность агрессии против Норвегии и не принял никакого решения, хотя, как известно, Гитлер с готовностью принимал любые предложения об агрессии против других стран.</p>	<p>Now, as the Tribunal saw in the report of Raeder to Assmann, in October 1939, Hitler was merely considering the Norwegian aggression and had not yet committed himself to it, although, as the Tribunal will see very shortly, Hitler was most susceptible to any suggestions of aggression against the territory of another country.</p>
<p>(93) Die Dokumente werden beweisen, daß der Angeklagte Raeder seinen Standpunkt in Bezug auf Norwegen beharrlich durchzusetzen suchte, und in</p>	<p>Документ показывает, что подсудимый Редер подчеркивал свою точку зрения в отношении Норвегии и на этом этапе он имел сильного союзника</p>	<p>The documents will show that the Defendant Raeder persevered in pressing his point of view with regard to Norway, and at this stage he found a powerful ally in the</p>

diesem Stadium fand er einen mächtigen Verbündeten in dem Angeklagten Rosenberg.	в лице подсудимого Розенберга.	Defendant Rosenberg.
(94) Ich beziehe mich auf Dokument 007-PS hinter der TC- und D-Serie im Dokumentenbuch . Der Bericht lautet:	Я ссылаюсь на документ. ПС-007, озаглавленный: «Краткий доклад о работе иностранного отдела партии с 1933 по 1943 г.».	I refer to Document 007-PS, which is after the TC and D series in the document book .
(95) Es wird Beweisstück GB-84 .		That will be Exhibit GB-84 .
(96) Die Überschrift auf Seite 1 heißt: » Kurzer Tätigkeitsbericht des Außenpolitischen Amtes der NSDAP von 1933-1943 «.		That is headed on Page 1, "Brief Report on Activities of the Foreign Affairs Bureau of the Party"- Aussenpolitisches Amt der NSDAP-"from 1933 to 1943."
(97) Es trat mit den verschiedensten, dem Nationalsozialismus zuneigenden und den Bolschewismus bekämpfenden Gruppen in Verbindung, wobei es sein Hauptaugenmerk auf die an die	Этот отдел вошел в контакт с большинством разнообразных групп, которые объединялись с нацизмом для того, чтобы бороться против большевизма, концентрируя свое внима-	<u>Volume 3. P. 268</u> It entered into contact with the most variegated groups inclining towards National Socialism in combatting Bolshevism, focussing its main attentions on nations and states bordering on the Soviet

<p>Sowjetunion angrenzenden Völker und Staaten richtete, die einerseits einen Isolierungsring um den bolschewistischen Nachbarn, andererseits aber auch die Flügelstellung zum deutschen Lebensraum, und eine Flankenstellung gegenüber den Westmächten, insbesondere Großbritanniens gegenüber, einnahmen.</p>	<p>ние на народах и государствах, граничащих с Советским Союзом.</p>	<p>Union.</p>
<p>(98) Der Gerichtshof wird in Kürze die Bedeutung dieses Satzes erkennen.</p>		
<p>(99) »In Skandinavien, in dem nach dem Weltkrieg von 1914/1918 eine immer ausgesprochenere pro-angelsächsische Einstellung, auf wirtschaftlicher Grundlage fußend, vorherrschend wurde, legte das Amt den ganzen Nachdruck auf eine Einwirkung über die allgemein kulturellen Beziehungen zu den nordischen Völkern.</p>	<p><i>Том 3. Стр. 264</i> «В Скандинавии после войны 1914—1918 гг. открыто преобладало проанглосаксонское течение, основанное на экономических расчетах.</p>	<p>"In Scandinavia a progressively more outspoken pro-Anglo- Saxon attitude based on economic considerations had become more dominant after the World War of 1914-18.</p>

	<p>Внешнеполитический отдел отмечал значение общих культурных отношений с суверенными народами.</p>	<p>There the bureau put the entire emphasis on influencing general cultural relations with the Nordic peoples.</p>
<p>(100) Während in Schweden und Dänemark eine rein politische Zusammenarbeit sich nicht eröffnete, fand sich in Norwegen dagegen eine auf dem großgermanischen Gedanken fußende Vereinigung vor, mit deren Gründer eine sehr enge Verbindung hergestellt wurde, die dann auch zu weiteren Folgen führte.«</p>	<p>В то время, как не было никаких возможностей для чисто политического содружества в Швеции и Дании, в Норвегии была основана ассоциация, которая базировалась на великогерманской идеологии.</p>	<p>While there were no openings for purely political co-operation in Sweden and Denmark, an association based on Greater Germanic ideology was found in Norway.</p>
<p>(101) Ich bitte den Gerichtshof, sich jetzt dem Ende des Hauptteiles dieser Erklärungen zuzuwenden, vier Seiten weiter.</p>		<p>If the Court will turn to the end of the main part of the statement which is 4 pages forward-in the intervening pages, I may say, there is an account of the activity of Rosenberg's bureau in various parts of Europe, and indeed of the world, which I am not proposing to call the Tribunal's attention to at this stage-but if the Tribunal will look at the last paragraph of the main body of the report which bears the signature of the Defendant</p>

		Rosenberg, the last two sentences read: "With the outbreak of war it was entitled to consider its task as terminated.
(102) Ich darf bemerken, daß sich auf den dazwischenliegenden Seiten ein Bericht [303] über die Aktivität des Büros Rosenbergs in verschiedenen Teilen Europas und tatsächlich der Welt befindet, auf den ich den Gerichtshof im jetzigen Stadium nicht aufmerksam machen möchte.	В конце главной части доклада имеется отчет о действиях отдела Розенберга в различных частях Европы и мира, который я в данное время оставляю без внимания, но если Трибунал пожелает взглянуть на последний абзац, то он прочтет это на стр. 4 доклада, здесь имеется подпись обвиняемого Розенберга: «С началом войны задача отдела считалась законченной».	
(103) Ich bitte vielmehr den Gerichtshof, den letzten Absatz des Hauptteiles dieses Berichtes, der die Unterschrift des Angeklagten Rosenberg trägt, einzusehen.		
(104) Die letzten beiden Sätze lauten wie folgt: »Mit dem Ausbruch des Krieges durfte es seine Aufgabe als erledigt betrachten. Die Auswertung der vielen persönlichen Beziehungen in	Использование многих личных отношений в различных странах может продолжаться под различными видами».	The exploitation of the many personal connections in many lands can be resumed under a different guise."

vielen Ländern kann in anderer Form wieder aufgenommen werden.«		
(105) Wenn sich der Gerichtshof nun der Anlage zu dem Dokument auf der nächsten Seite zuwendet, so wird er erkennen, was »Auswertung persönlicher Beziehungen« bedeutete.	Если Трибунал взглянет на приложение к документу, которое находится на следующей странице, то он оценит то, что означало «использование личных отношений».	If the Tribunal will turn to the annex to the document, which is on the next page, the Tribunal will appreciate what "exploitation of personal connections" involved.
(106) Darüber heißt es: »Wie schon erwähnt, erschien von allen politischen Gruppierungen in Skandinavien nur die in Norwegen vom ehemaligen Kriegsminister und Major a. D. Vidkun Quisling geführte ›Nasjonal Samling‹ einer ernsteren politischen Beachtung würdig.	«...Как было ранее упомянуто, из всех политических группировок в Скандинавии только руководимая в Норвегии бывшим военным министром и майором в запасе Видкуном Квислингом заслужила серьезное политическое внимание.	<u>Volume 3. P. 269</u> "As previously mentioned, of all political groupings in Scandinavia only Nasjonal Samling, led in Norway by the former Minister of War and retired major, Vidkun Quisling, deserved serious political attention. This was a fighting political group possessed by the idea of a Greater Germanic community.
(107) Das Amt hielt mit Quisling eine dauernde Verbindung aufrecht und verfolgte aufmerksam seine mit zäher Energie geführten Angriffe auf die im englischen Fahrwasser segelnde Bourgeoisie.	<u>Том 3. Стр. 265</u> Отдел поддерживал постоянный контакт с Квислингом и внимательно следил за атаками, которые он упорно и энергично вел против среднего класса, шедшего за англичанами.	The bureau maintained constant relation with Quisling and attentively observed the attacks he conducted with tenacious energy on the middle class, which had been taken in tow by the English.
(108) In einem weiteren Teil des Dokuments, den ich in einem späteren Stadium meiner	Из следующей части документа, которую я оглашу во время дальнейшего	In a later part of the document, which I shall read at a later stage of my presentation of the evidence, if I

Beweisvorlage verlesen darf, wird der Gerichtshof sehen, wie Quisling mit Raeder in Berührung kam.	представления доказательств, суд увидит, как Квислинг вошел в контакт с Редером.	may, the Court will see how Quisling came into contact with Raeder.
(109) Die Anklagebehörde macht geltend, daß dieses Dokument eine weitere Illustration dafür ist, wie eng die politische und militärische Führung im Nazi-Staate verwoben war, wie eng das Band zwischen den Berufssoldaten und den berufsmäßigen Verbrechern war.	<i>Том 3. Стр. 265</i> Обвинение в отношении этого документа считает, что он является еще одной иллюстрацией тесного контакта между политическим и военным руководством нацистского государства и тесных уз между профессиональными солдатами и профессиональными политиками.	The Prosecution's submission with regard to this document is that it is another illustration of the close interweaving between the political and the military leadership of the Nazi State; of the close link between the professional soldiers and the professional thugs.
(110) Ich bitte den Gerichtshof, seine Aufmerksamkeit nochmals dem Beweisstück C-66 zuzuwenden; es ist GB-81.	Подсудимый Редер в своем докладе для адмирала Асмана сообщил о своем сотрудничестве с Розенбергом, и я прошу суд обратить внимание на документ C-66.	The Defendant Raeder, in his report to Admiral Assmann, admitted his collaboration with Rosenberg; and I will invite the Court's attention once more to Document C-66, which is Exhibit GB-81.
(111) Ich möchte zu dem vorangehenden Dokument C-65 übergehen...	Хочу обратить внимание суда на документ C-65, ВБ-85.	But I would draw the Court's attention to the Document C-65, which precedes . . .
(112) VORSITZENDER: Würden Sie das Ende dieses Absatzes verlesen?	В абзаце первом этого доклада имеются материалы, <i>Том 3. Стр 266.</i>	THE PRESIDENT: Would you read the end of that paragraph?

<p>MAJOR JONES: Mit Eurer Lordschaft Erlaubnis möchte ich in einem späteren Stadium meines Beweisvortrages darauf zurückkommen.</p> <p>In Dokument C-65, das Beweisstück GB-85 wird, haben wir hier einen Bericht Rosenbergs an Raeder; in ihm wird das volle Ausmaß der Bereitschaft Quislings, Verrat zu üben, und seine eventuelle Nützlichkeit für die Nazi-Angreifer dem Angeklagten Raeder dargelegt und enthüllt.</p> <p>Absatz 1 dieses Berichtes befaßt sich mit Angelegenheiten, die ich schon behandelt habe, als ich Rosenbergs Erklärungen, 007-PS, verlas. Ich ersuche den Gerichtshof, sich dem zweiten Absatz des Beweisstückes GB-85, C-65, zuzuwenden, der wie folgt lautet:</p>	<p>о которых я уже упоминал при чтении заявления Розенберга. Предлагаю вниманию суда второй абзац документа ВБ-85, он гласит следующее:</p>	<p>MAJOR JONES: With your Lordship's permission, I would like to revert to that in a later stage in my unfolding of the evidence.</p> <p>In the Document C-65, which will be Exhibit GB-85, we have a report of Rosenberg to Raeder in which the full extent of Quisling's preparedness for treachery and his potential usefulness to the Nazi aggressors was reported and disclosed to the Defendant Raeder.</p> <p>Paragraph 1 of that report deals with matters which I have already dealt with in reading Rosenberg's statement, 007-PS. But if the Court will look at the second paragraph of Exhibit GB-85, C-65, it reads as follows:</p>
<p>(113) »Der Anlaß einer Aktion, die Quisling vortrug, wäre gegeben durch die Tatsache, daß der Storting« - das ist das norwegische Parlament - »gegen die Verfassung seine eigene</p>	<p>«Причины государственного переворота, о которых Квислинг делал доклад, видны из того, что стортинг, то есть норвежский парламент, как вызов конституции провел решение о</p>	<p>"The reasons for a coup, on which Quisling made a report, would be provided by the fact that the Storting"-that is to say the Norwegian parliament-"had, in defiance of the constitution, passed</p>

<p>Verlängerung beschlossen hat, die am 12. Januar in Kraft treten soll.</p>	<p>продлении своих полномочий, которое должно было войти в силу 12 января.</p>	<p>a resolution prolonging its own life which is to become operative on January 12th.</p>
<p>(114) Ich bitte den Gerichtshof, sich den letzten zwei Absätzen auf der nächsten Seite zuzuwenden, die die Einzelheiten des verräterischen Anschlages zum Sturz der Regierung seines eigenen Landes darlegen, den der Verräter Quisling mit Hilfe des Angeklagten Rosenberg ausarbeitete.</p>	<p>Если вы перевернете следующую страницу документа и прочтете последние два абзаца, то вы познакомитесь с деталями предательского плана Квислинга о свержении правительства его собственной страны, разработанного совместно с Розенбергом.</p>	<p>If the Court will turn to the next page of that document, the last two paragraphs, the details of a treacherous plot to overthrow the government of his own country, by the traitor Quisling in collaboration with the Defendant Rosenberg, will be indicated to the Court.</p>
<p>(115) Wie sehr sich Quisling in dieser Erwartung täuschte, zeigt die spätere Entwicklung.</p>		<p><u>Volume 3. P. 274</u> How wrong Quisling was in that anticipation was shown, of course, by subsequent developments. The last sentence reads:</p>
<p>(116) [306] Der Gerichtshof wird der Ansicht sein, daß im ganzen Wortschatz keine genügend starken Schimpfworte vorhanden sind, um dieses Ausmaß von Verrat zu kennzeichnen.</p>		<p>The Tribunal may think that there are no words in the whole vocabulary of abuse sufficiently strong to describe that degree of treachery.</p>
<p>(117) VORSITZENDER: Trägt das Dokument ein Datum? MAJOR JONES: Nein, es hat kein</p>		<p><u>Volume 3. P 272.</u> FIFTEENTH DAY Friday, 7 December 1945</p>

<p>Datum.</p> <p>VORSITZENDER: Wir wollen jetzt abbrechen.</p> <p>[Der Gerichtshof vertagt sich bis 7. Dezember 1945, 10.00 Uhr.]</p> <p>MAJOR JONES: Hoher Gerichtshof! Gestern Nachmittag, ehe der Gerichtshof sich vertagte, sprach ich über die Verschwörung der Nazis gegen Norwegen und der damit verbundenen Zusammenarbeit der Angeklagten Raeder und Rosenberg.</p>		<p>Morning Session</p> <p>MAJOR JONES: May it please the Tribunal, yesterday after- noon when the Tribunal adjourned I was dealing with the stage of the Nazi conspiracy against Norway at which the activities of the Defendants Raeder and Rosenberg converged.</p>
<p>(118) Der Gerichtshof wird sich erinnern, daß ich zu diesem Zweck als Beweisstück die Urkunde C-65 unterbreitet habe, einen Bericht des Angeklagten Rosenberg an Raeder bezüglich Quisling;</p>		<p>And the Court will remember that I submitted in evidence Document C-65, which was a report from the Deferidant Rosenberg to Raeder regarding Quisling and ending with the infamous words, "Quisling gives figures of the number of German troops required which accord with German calculations."</p>

<p>(119) Der Bericht trägt die Überschrift: »Angelegenheit Norwegen«; und der erste Satz lautet:</p>	<p>Отчет озаглавлен: «Норвежский вопрос» и начинается</p>	<p>"Norwegian Question," and the first sentence reads:</p>
<p>(120) »Ob.d.M.« - und damit ist natürlich der Angeklagte Raeder gemeint - »hat die beiden Herren Quisling und Hagelin empfangen. Q macht einen zuverlässigen Eindruck.«</p>	<p><i>Том 3. Стр 267.</i> так: «Главнокомандующий военно-морским флотом принял Квислинга и Хагелина. Квислинг производит впечатление надежного человека.</p>	<p>"Commander-in-Chief, Navy-who of course was the Defendant Raeder-"has received Quisling and Hagelin. Quisling creates the impression of being reliable."</p>
<p>(121) Dann folgt in den nächsten zwei Absätzen eine Erklärung über Quislings Ansichten, mit denen sich der Hohe Gerichtshof vertraut gemacht hat, da Teile aus dem Dokument 007-PS verlesen wurden; aber ich lenke die Aufmerksamkeit des Hohen Gerichtshofs auf den 4. Absatz von C-64, der lautet:</p>	<p>Теперь я прошу суд обратить внимание на записи, которые сделал Редер по поводу этого совещания для того, чтобы они остались для истории:</p>	<p><i>Volume 3. P 273.</i> And then there follows, in the next two paragraphs, a statement of Quisling's views, views with which the Court is by now familiar because of my reading of extracts from the Document 007-PS; but I drew the Court's attention to the fourth paragraph in Document C-64, beginning:</p>
<p>Wenn sich der Hohe Gerichtshof jetzt der Urkunde C-66 zuwenden will, es handelt sich um einen Bericht Raeders für historische</p>		<p>If the Court will now look at Document C-66, which is Raeder's record of these transactions for the purpose of history, the Court will observe, in the last sentence of</p>

<p>Zwecke über diese Vorgänge, wird der Gerichtshof aus dem letzten Satz des zweiten Absatzes des mit »b. Weserübung« überschriebenen Abschnittes von Dokument C-66 folgende Worte entnehmen:</p>		<p>the second paragraph of the section of ~166 headed "(b) Weserübung," these words:</p>
<p>(122) »Als Ergebnis dieser Schritte wurde Quisling am 16. und noch einmal am 18. Dezember zur persönlichen Unterredung vom Führer empfangen.</p>	<p>«Квислинг получил личную аудиенцию у фюрера 16 декабря и второй раз— 18 декабря. <i>Том 3. Стр. 268</i></p>	<p><i>Volume 3. P. 274</i> "As a result of these steps Quisling was granted a, personal audience with the Führer on the 16th of December, and once more on the 18th of December.</p>
<p>(123) Dann kommt am Schluß des Memorandums: »Die gesamte weitere Bearbeitung erfolgt unter dem Stichwort ›Weserübung‹.«</p>	<p><i>Том 3. Стр. 269</i> будет осуществляться под кодовым наименованием «Везерюбунг».</p>	<p>It is marked "Most secret, five copies; reference, Study 'N';" - which was another code name for the Weserübung preparations- "access only through an officer."</p>
<p>(124) Es ist Dokument 1809-PS, GB-88.</p>	<p>Я хочу теперь обратить внимание Трибунала на несколько выдержек из дневника подсудимого Иодля, чтобы проследить за ходом приготовлений, документ ПС-1809. Запись от 6 февраля 1940 г.</p>	<p><i>Volume 3. P. 275</i> That is Document Number 1809-PS, which will be for the purposes of the record Exhibit GB-88.</p>

	<p>начинается: «Новая мысль провести только операцию «Х» и операцию «Везер» и гарантировать нейтралитет Бельгии на всем протяжении войны».</p>	
<p>(125) »Neuer Gedanke, nur H u. Weserübung allein zu machen und Belgien seine Neutralität für Kriegsdauer zu garantieren.«</p>	<p>«Новая мысль: провести только операцию «Х» и операцию «Везерübung» и гарантировать Бельгии нейтралитет на время военных действий».</p>	<p>The entry under the date line of February the 6th 1940 starts, "New idea: <u>Volume 3. P. 276</u> Carry out 'H' and Weser Exercise only, and guarantee Belgium's neutrality for the duration of the war."</p>
<p>(126) Und da möchte ich im Augenblick die Eintragung in Jodls Tagebuch beiseite lassen und den Gerichtshof auf s als Beweisstück GB-89 gilt. Der Gerichtshof wird aus diesem Dokument ersehen, daß es Hitlers Operationsbefehl ist, die Vorbereitungen für die Invasion in Norwegen und Dänemark zu vollenden. Es trägt das Datum des 1. März 1940 und hat den Titel:</p>	<p>Теперь я обращаю внимание суда на приказ Гитлера от 1 марта 1940 г.</p>	<p>MAJOR JONES: That is a reference to another code word, "Hart- mut," which the Court will see disclosed in a subsequent document. That is another code word for this Norwegian and Danish operation. The entry of February 21st in Jodl's diary reads:</p>
<p>(127) Wie bereits erwähnt, Herr</p>	<p>Как я говорил уже, в то время, как были приняты эти решения,</p>	<p><u>Volume 3. P. 278</u></p>

<p>Vorsitzender, trafen inzwischen durch Rosenbergs Organisation von Quisling Berichte ein, und wenn sich der Gerichtshof noch einmal der Urkunde 007-PS zuwenden will, dem Bericht Rosenbergs, so wird ihm die Art der Berichterstattung seitens der Organisation Rosenbergs aus jener Zeit auffallen.</p>	<p>от Квислинга, через организацию Розенберга, поступали сообщения, и если суд обратится к документу ПС-007 — отчету Розенберга, то Трибунал заметит, какого рода сведения организация Розенберга поставляла в этот период:</p>	<p>As I was saying, My Lord, while these decisions were being made reports were coming in through Rosenberg's organization from Quisling; and if the Court will again turn for the last time to Document 007-PS, which is Rosenberg's report, the Tribunal will observe the kind of information which Rosenberg's organization was supplying at this time.</p>
<p>(128) Der dritte Abschnitt, »Schon im Januar«, das ist Anhang I zu Rosenbergs Bericht, der Abschnitt, der sich mit Norwegen befaßt, Seite 6 meines Exemplars, mit Bezug auf Seite 2 des Anhangs. Der Absatz beginnt wie folgt:</p>		<p>The third paragraph, "Quisling's reports" -that is in Annex I in Rosenberg's report, the section dealing with Norway, Page 6 on my copy-referring to the second page of the annex, the paragraph beginning with:</p>
<p>(129) Diese Aufzeichnung trägt, wie ich bereits erwähnte, das Datum des 3. Juni 1940 und bezieht sich auf Raumerweiterungs- und Stützpunktfragen:</p>	<p>Решение может состоять, например, в следующем:</p>	<p>"The solution could perhaps be found among the following possibilities:</p>

Приложение 2

<p>[Pause von 10 Minuten.]</p> <p>OBERSTLEUTNANT J. M. G. GRIFFITH-JONES, HILFSANKLÄGER FÜR DAS VEREINIGTE KÖNIGREICH:</p> <p>(1) Hoher Gerichtshof! Punkt 2 der <i>Anklageschrift beschuldigt die Angeklagten</i>, an der Planung und Vorbereitung, Entfesselung und Führung verschiedener Angriffskriege teilgenommen zu haben, und diese Kriege, so lautet die Anklage, bedeuteten den Bruch eines zwischenstaatlichen Vertrages.</p>	<p><i>Том 3. Стр. 88</i></p> <p><i>Из выступления представителя обвинения от Великобритании</i> <i>ДЖ. М. ГРИФФИТ-ДЖОНСА 1</i> <i>Стенограмма заседаний Международного военного трибунала</i> <i>от 5—6 декабря 1945 г.</i></p> <p>Господа судьи! Второй раздел обвинительного заключения <i>2 гласит, что подсудимые участвовали в планировании</i>, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, которые были войнами в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.</p>	<p><i>Volume 3. P. 195</i></p> <p>[A recess was taken.] LIEUTENANT COLONEL J. M. G. GRIFFITH-JONES (Junior Counsel for the United Kingdom):</p> <p>May it please the Tribunal, Count Two of the Indictment charges <i>these defendants with participating in the planning</i>, the preparation, the initiation, and waging of various wars of aggression, and it charges that those wars are also in breach, of international treaty.</p>
<p>(2) Ich möchte mich jedoch <i>mit Erlaubnis des Hohen Gerichtshofs</i> zunächst mit den unter Anklage gestellten Vertragsbrüchen befassen, die in Absatz (C)</p>	<p><i>С разрешения Трибунала</i> я сначала остановлюсь на обвинении в нарушении договоров, упомянутых в приложении «С».</p>	<p>But, <i>My Lord, with the Tribunal's</i> approval I would propose first to deal with the allegations of breach of treaties which are mentioned in Paragraph (C) of the particulars, and</p>

<p>ausgeführt und deren Einzelheiten in Anhang C beschrieben sind.</p>		<p>of which the details are set opt in Appendix C.</p>
<p>(3) Wenn der Gerichtshof Teil 1 des britischen Dokumentenbuches Nr. 2 ansehen will, werde ich kurz beschreiben, wie die übrigen Teile angeordnet sind. Das Dokumentenbuch zerfällt in sechs Teile. Ich bitte den Gerichtshof, sich zuerst Teil 1 anzusehen. Die den Verteidigern übergebenen Dokumentenbücher haben dieselbe Einteilung; nur sind sie alle zusammen und nicht in sechs Einzelumschlägen eingebunden, wie dies für den Gerichtshof zur bequemerer Handhabung geschehen ist.</p> <p>Der deutsch-polnische Schiedsvertrag, der Gegenstand des Abschnittes 10 von Anhang C, bildet Dokument TC-15 und erscheint als letztes im Dokumentenbuch. Es wurde bereits unter GB-16 vorgelegt.</p>	<p>Договор об арбитраже между Польшей и Германией, который упоминается в статье десятой приложения «С», значит под номером TC-15...</p>	<p><u>P. 196</u></p> <p>If the Tribunal will look at Part I for the moment-the document books which have been handed to the Counsel for the Defense are in exactly the same order, except that they are' bound in one and not in six separate covers, in which the Tribunal's documents are bound for convenience. The German-Polish Arbitration Treaty, the subject matter of Section 10 of Appendix C, is Document TC-15 and appears the one but end document in the book. It has already been put in under the Number GB-16.</p>
<p>(4) Ich möchte das Vorwort und Artikel 1 und 2 dieses Vertrages zitieren:</p>		<p>My Lord, I would quote the preamble and Articles 1 and 2 from that treaty:</p>
<p>(5) VORSITZENDER: Er hat die</p>		<p>THE PRESIDENT: It is in the same</p>

<p>gleichen Bestimmungen wie der Schiedsvertrag zwischen Deutschland und der Tschechoslowakei und Deutschland und Belgien, nicht wahr?</p> <p>OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES: Ja, Hoher Gerichtshof, das ist richtig; beide wurden in Locarno unterzeichnet.</p>		<p>terms, is it not, as the arbitration treaty between Germany and Czechoslovakia, and Germany and Belgium?</p> <p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: Well-yes, it is, My Lord, both signed at Locarno.</p> <p>THE PRESIDENT: Yes..</p> <p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: The words of the charge in Section 10, will be noted particularly in that Germany did, on or about the 1st of September 1939, unlawfully attack and invade Poland without first having attempted to settle its dispute with Poland by peaceful means.</p>
<p>(6) Die deutsch-polnische Erklärung vom 26. Januar 1934, die als letztes Dokument im Teil 1 des Dokumentenbuches zu finden ist und Gegenstand des Abschnitts 10 des Anhanges C bildet:</p>	<p>Милорд, я хотел бы огласить введение и первые две статьи этого договора:</p>	<p>The only other treaty to which I refer, the German-Polish Declaration of the 26th of January 1934, will be found as the last document in Part I of the Tribunal's document book, which is the subject of Section 10 of Appendix C:</p>
<p>(7) Ich gehe nun von den Vertragsbrüchen auf die Beweisführung, die Planung und Vorbereitung dieser Kriege betreffend, über und werde damit die Beschuldigung begründen, daß</p>	<p><u>Стр. 90</u></p> <p>Я перехожу от нарушения договоров к представлению доказательств относительно планирования и подготовки этих</p>	<p>My Lord, I pass then from the breach of treaties to present to the Court the evidence upon the planning and preparation of these wars and in support of the allegations that they were wars of</p>

<p>diese Kriege Angriffskriege waren.</p>	<p>войн и подтверждения того, что они были войнами агрессивными.</p>	<p>aggression.</p>
<p>(8) Ich bitte den Gerichtshof, das Gesamtinhaltsverzeichnis anzusehen, das wiederum ein besonderes Buch darstellt. Auf der Titelseite werden Sie die Einteilung der Dokumente finden. Teil 1 sind »Verträge«, Teil 2 trägt die Überschrift »Beweismaterial für die deutschen Absichten vor März 1939«, genauer sollte man es als »Beweismaterial vor März 1939« bezeichnen. Ich werde mich nun mit diesem Teile beschäftigen.</p>	<p>Сейчас, касаясь ранней истории этой агрессии, я хотел бы обратить особое внимание Трибунала на те части документальных доказательств, которые свидетельствуют о том, что еще до того, как Германия захватила всю Чехословакию, нацисты были вполне готовы сражаться против Англии, Польши и Франции, если это было бы необходимо для достижения их целей.</p>	<p>Part I is the "Treaties"; Part II is entitled "Evidence of German Intentions prior to March 1939." It might perhaps be more accurately described as "pre-March 1939 evidence," and it will be with that part that I would now deal.</p>
<p>(9) Die Daten - ich glaube, daß dies der gelehrte Hauptankläger in seinen Ausführungen gestern schon erwähnte -, die Daten sprechen in diesem Falle eine fast deutlichere Sprache als die Urkunden. Die Urkunden in diesem Dokumentenbuch sind in der Reihenfolge angeordnet, in der ich mich auf sie beziehen will. Die erste Urkunde ist TC-70, GB-25.</p>	<p>В-данном случае даты, пожалуй, еще более красноречивы, чем документы... Весьма интересно посмотреть, что сказал Гитлер после подписания договора с Польшей в январе 1934 года:</p>	<p>The dates, I think-as the learned Attorney General said in addressing you yesterday-the dates in this case, almost more than the documents, speak for themselves. The documents in this book are arranged in the order in which I will refer to them,' and the first that I would refer to is Document TC-70, which will go in as GB-25.</p>
<p>VORSITZENDER: Dies wurde bereits verlesen.</p>		<p>THE PRESIDENT: 1Interposing.l It has been read already.</p>

<p>OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES: Meine Absicht war, alles, was vorgebracht wurde, soweit es England und Polen betrifft, zusammenzufassen. Wenn der Gerichtshof dies als überflüssig erachtet, würde ich die Gelegenheit begrüßen...</p> <p>VORSITZENDER: Der Gerichtshof möchte nicht, daß etwas, das bereits verlesen wurde, nochmals verlesen wird.</p> <p>OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES: Ich gehe auf die nächste Urkunde in diesem Teil Ihres Dokumentenbuches über und lege sie als Beweis vor.</p>		<p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: My object was only to try to collect, so far as England and Poland were concerned, the evidence that had been given. I would welcome in actual fact if the Tribunal thought that it was unnecessary, I would welcome the opportunity to . . . '</p> <p>THE PRESIDENT: The Tribunal would wish you not to read anything that has been read aheady.</p> <p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: I would pass then to the next document in that part of your document book. I put that document in. It was referred to by the Attorney General in his address yesterday, and it shows that on the same date the Hossbach meeting was taking place, a communique was being issued as a result of the Polish Ambassador's audience with Hitler, in which it was said in the course of the conversation that it was confirmed that Polish-German relations should not meet with difficulties because of the Danzig question</p>
<p>(10) Dieses Dokument ist TC-73, das</p>	<p>В тот же день, когда составлялся</p>	<p>That Document is TC-73. I put it in</p>

<p>ich als GB-27 vorlege. Am 2. Januar...</p>	<p>протокол Госбаха, было издано коммюнике как результат встречи польского посла и Гитлера, в котором было сказано, что в ходе беседы «было подтверждено, что польско-германские отношения не должны встретить затруднений в связи с данцигским вопросом» — документ ТС-73. 2 января' 1938 г. какое-то неизвестное лицо составило памятную записку для фюрера</p>	<p>as GB-27. On the 2d of January . . .</p>
<p>(11) Dies ist ein Dokument, worauf sich der Generalstaatsanwalt gestern bezog, datiert vom 2. Mai 1938, mit dem Titel: »Organisationsstudie 1950«.</p>	<p>Он называется «Организационное исследование».</p>	<p>It is dated the 2d of May 1938, and is entitled "Organizational Study of 1950."</p>
<p>(12) »Im Rahmen ganz großer Verhältnisse soll die zweckmäßigste Art der Organisation der Luftwaffe gesucht werden.</p>	<p><u>Стр. 95</u> «Установление на основании широко проведенного исследования наиболее целесообразного типа организации военно-воздушных сил».</p>	<p><u>P. 204</u> "The task is to search, within a framework of very broadly conceived conditions, for the most suitable type of organization of the Air Force.</p>
<p>(13) Der Gerichtshof wird bemerken, daß das Inhaltsverzeichnis in verschiedene Abschnitte eingeteilt ist.</p>	<p><u>Стр. 96</u> Сейчас вы увидите репродукцию этой карты на</p>	<p><u>P. 205</u> The Tribunal sees a reproduction of that map on the wall and it will be</p>

	<p>стене, причем отметите, что на 2 мая 1938 г. на ней помечено, что военно-воздушные силы расположены в Эстонии, Латвии, Литве, Чехословакии, Польше, Австрии, Венгрии, и все это включено в границы империи.</p>	<p>seen that on the 2d of May 1938, the Air Force were envis- aging Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, Czechoslovakia, Austria, and Hungary, all coming within the bounds of the Reich.</p>
<p>(14) Im Folgenden wird gezeigt, daß alle 144 Geschwader, die gegen England eingesetzt werden sollen, in der westlichen Reichshälfte konzentriert werden müssen, das heißt, sie sollten in einer solchen Weise eingesetzt werden, daß sie unter Ausnützung der Reichweite das gesamte englische Gebiet bis in den letzten Winkel erreichen können.</p>	<p>Далее речь идет о 144-х эскадрильях, предназначенных для действий против Англии.</p>	<p>And it then goes on to say if all the 144 Geschwader are employed against England, they must be concentrated in the western half of the Reich;</p>
<p>(15) VORSITZENDER: Vielleicht ist dies auf der Karte enthalten. Ich meine, Sie sollten auf die Organisation der Luftwaffe mit den Gruppenkommandos in Warschau und Königsberg hinweisen.</p> <p>OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES: Ich danke vielmals! Unter dem Abschnitt »Annahme«, Untertitel 2: »Gliederung der Luftwaffe im Frieden« sind die sieben Gruppenkommandos</p>		<p>THE PRESIDENT: It is perhaps involved in the map. I think perhaps you should refer to the organization of the Air Force, with group commands at Warsaw and Konigsberg.</p> <p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: I am much obliged. Under the paragraph "Assumptions," Sub-heading 2, "Organization of the Air Force in Peacetime," seven group commands: 1-Berlin, 2-Brunswick, 3-Munich, 4-</p>

<p>angegeben: »1 Berlin, 2 Braunschweig, 3 München, 4 Wien, 5 Budapest, 6 Warschau, 7 Königsberg«.</p> <p>VORSITZENDER: Jawohl.</p> <p>OBERSTLEUTNANT GRIFFITH-JONES: Ich danke verbindlichst!</p>		<p>Vienna, 5-Budapest, 6-Warsaw, and 7-Konigsberg.</p> <p>THE PRESIDENT: Yes.</p> <p>LT. COL. GRIFFITH-JONES: I am very much obliged.</p>
<p>(16) Am 26. September sagte er - ich glaube, Sir David Maxwell-Fyfe hat dieses Dokument schon verlesen; ich will mich deshalb nur auf zwei Zeilen beziehen -:</p>		<p><u>P. 207</u></p> <p>On the 26th of September he said-I think Sir David Maxwell-Fyfe has just read this document to the Tribunal. I'll refer to only two lines of it:</p>
<p>(17) Ferner, das letzte Dokument in Ihrem Buch, ein anderer Auszug aus derselben Rede. Ich will diesen nicht verlesen, es sei denn, daß der Gerichtshof es wünscht, weil ihn der Generalstaatsanwalt bereits in seiner gestrigen Rede vollständig zitiert hat. Diese beiden Dokumente sind TC-28, das schon als GB-22 vorgelegt ist, und TC-29, der zweite Auszug derselben Rede, als GB-32 vorgelegt.</p>		<p>And again, the last document in your book, which is another extract from that same speech, I will not read to the Tribunal unless the Tribunal desire, because the Attorney General did quote it in full in his address yesterday. These two documents are already in, TC-28 as GB-2, and TC-29, which is the second extraction of that same speech, as GB-32.</p>

<p>(18) Ich möchte den Gerichtshof schließlich auf ein weiteres Dokument in diesem Zusammenhang hinweisen, das bereits von meinem amerikanischen Kollegen vorgelegt wurde.</p>	<p>Я обращаю внимание Трибунала еще на один документ, который уже был представлен моими американскими коллегами. Это письмо адмирала Карлса, документ США-49.</p>	<p>My Lord, I would refer the Tribunal to one more document under this part which has already been put in by my American colleagues.</p>
<p>(19) Es handelt sich um C-23, US-49, und ist vor Dokument TC-28 in Ihrem Dokumentenbuch zu finden.</p>		<p>It is C-23, now USA-49, and which appears before TC-28 in your document book.</p>
<p>(20) Die besondere Stelle in diesem Beweisstück, auf die ich hinweisen möchte, ist ein Brief von Admiral Carls, der unten, auf der zweiten Seite, zu finden ist.</p>		<p>The particular passage of that exhibit, to which I would refer, is a letter from Admiral Carls, which appears at the bottom of the second page.</p>
<p>(21) VORSITZENDER: Es ist Zeit, die Sitzung bis 10.00 Uhr morgen früh zu vertagen.</p> <p>[Der Gerichtshof vertagt sich bis 6. Dezember 1945, 10.00 Uhr.]</p>		<p>THE PRESIDENT: I think it is time to adjourn now until 10 o'clock tomorrow morning. [The Tribunal adjourned until 6 December at 1000 hours.]</p>
<p>(22) Es ist offensichtlich, daß die letzten deutschen Angebote, denen ich mich jetzt zuwende, nicht Angebote im gebräuchlichen Sinn dieses Wortes waren;</p>		<p><u>P. 244</u></p> <p>It will be seen quite clearly that those final German offers, to which I now turn, were no offers in the accepted sense of the word at all;</p>
<p>(23) [276] Am 22. August wurde, wie bekannt, das Deutsch-Russische Abkommen unterzeichnet.</p>	<p>Быть может до того, как я буду предъявлять эти документы, мне следует в нескольких словах</p>	<p>On the 22d of August, as we have seen, the German-Soviet Pact was signed.</p>

	<p>суммировать эти последние переговоры.</p> <p>24 августа были даны приказы германской армии вступить в Польшу на следующее утро.</p>	
<p>(24) Die Britische Regierung legte ihre Ansicht dar, daß für Danzig eine Garantie gegeben und auch jedes spätere Abkommen durch andere Mächte garantiert werden sollte, ein Vorschlag, der selbstverständlich und in jedem Fall für das Deutsche Reich vollkommen unannehmbar war.</p>	<p><u>Стр. 125</u></p> <p>Британское правительство придерживалось точки зрения, что соглашение о Данциге должно быть гарантировано так же, как любое соглашение, другими державами. Это, конечно, при любых обстоятельствах было совершенно неприемлемо с точки зрения германского правительства.</p>	<p>The British Government put forward the view that Danzig should be guaranteed and, indeed, any agreement come to should be guaranteed by other powers, which, of course, in any event would have been quite unacceptable to the German Reich.</p>
<p>(25) Man braucht sich nicht zu überlegen, was annehmbar oder unannehmbar gewesen sein würde, nachdem in der Antwort der Britischen Regierung vom 28. August vollkommen klargelegt wurde, daß England nicht davon abzubringen war, Polen im Falle eines deutschen Angriffes zu Hilfe zu kommen.</p>	<p>Но речь шла не о том, было ли это приемлемо или неприемлемо, поскольку стало совершенно ясно из ответа британского правительства от 28 августа, что Англия не воздержится от того, чтобы помогать Польше в случае германской агрессии.</p>	<p>As I say, one really need not consider what would have been acceptable and not acceptable because once it had been made clear-as indeed it was in that British Government's reply of the 28th of August-that England would not be put off assisting Poland in the event of German aggression, the German Government really had no concern with further negotiation but were concerned only to afford themselves some kind of justification and to</p>

		prevent them- selves appearing too blatantly to turn down all the appeals 'to reason that were being put forward.
(26) Um nun doppelt sicher zu sein, daß sein Angebot nicht angenommen werden würde, sagte er:		
(27) Ich möchte vier Zeilen aus dem Absatz drei dieses Abschnitts, auf Seite 219 Ihres Dokumentenbuches, zur Aufnahme in das Protokoll zur Verlesung bringen.	Из 3-го пункта этого раздела, где речь идет специально о польско-немецкой декларации от 26 января 1934 г., я хочу огласить 4 строки:	<u>Volume 7. P. 214</u> I wish to read into the record four lines from Paragraph 3 of this Count which begins on Page 219 of your document book.
(28) Sie werden diese Stelle in Band II, Teil I des Dokumentenbuches, Seite 220 finden.		You will find this excerpt which I want to quote, on Page 220, Volume 11, Part 1 of the document book.
(29) Die Erklärung wurde den Vertretern der Polnischen Regierung gegeben.	<u>Стр. 139</u> Это заявление Геринг сделал представителям польского правительства, я цитирую:	Warsaw on 16 February 1937, which is contained in the report of the Polish Government.
(30) Dies ist Seite 220 des Dokumentenbuches.		This paragraph is on Page 220 of your document book-Point 6:

Приложение 3

(31) Das Beweismaterial, das ich dem Gerichtshof vorlegen werde,		The evidence which I shall put in to the Tribunal has been prepared in
--	--	--

wurde in Zusammenarbeit mit meinem amerikanischen Kollegen, Oberstleutnant Krucker, vorbereitet.		collaboration with my American colleague, Lieutenant Colonel Krucker.
(32) Beide wurden bereits von meinem verehrten Freund, Sir David Maxwell-Fyfe, vorgetragen, der auch die Verpflichtung der Deutschen Regierung den Regierungen von Jugoslawien und Griechenland gegenüber auf Grund dieser Pakte erwähnte.		Both have already been put in by my learned friend, Sir David Maxwell-Fyfe, who also explained the obligation of the German Government to the Governments of Yugoslavia and Greece under those pacts.
(33) Im Falle Jugoslawien führte der Einfall ferner zum Bruche einer von den Nazis ausdrücklich gegebenen Zusicherung, welche im Absatz 26 des Anhanges C als Anklagepunkt angeführt ist.		In the case of Yugoslavia the invasion further constituted a breach of an express assurance by the Nazis, which is charged at Paragraph XXVI of Appendix C.
(34) Ich bitte nun den Gerichtshof, sich der ersten Urkunde im Dokumentenbuch Nummer 5 zuzuwenden. Das erste Dokument ist 2719-PS, ein Teil des Dokuments, das schon als Beweisstück GB-58 vorgelegt worden ist.		May I ask the Tribunal to turn now to the first document in the document book, which is Book Number 5.
(35) Hier ist der Text des Erlasses des Deutschen Auswärtigen Amtes vom 28. April 1938, und ich möchte den Beginn und dann den vorletzten	В заявлении германского министерства иностранных дел от 28 апреля 1938 г.—документ ПС-2719, ВБ-58 — говорится:	This is the text of the German Foreign Office release on the 28th of April 1938, and I would read the beginning and then the last

Absatz der Seite vorlesen:		paragraph but one on the page:
(36) Ich gehe nun zum nächsten Dokument C-134 über, das Beweisstück GB-119 wird.		I pass to C-134, the next document in the bundle, which becomes Exhibit GB-119.
(37) Es ergibt sich daraus, daß die Ansprache nach der Sitzung mit den Italienern stattfand;	<p><u>Стр. 333</u></p> <p>Здесь говорится, что речь была произнесена после совещания с итальянцами.</p>	<p>I need not trouble the Tribunal with the meeting with the Italians, but if you would pass to Page 3 of the document, there is</p> <p><u>P. 314</u></p> <p>a paragraph there in the speech which the Fiihrer made, which is perhaps just worth reading—the speech by the Fiihrer on the 20th of January 1941, in the middle of Page 3.</p>
(38) Und nun folgt der letzte Absatz, den ich verlesen möchte:	Зачитаю последний абзац:	It is the last paragraph that I would wish to read:
(39) Ich gehe nun auf das letzte Dokument in der Mappe über, Dokument L-172, Beweisstück US-34, das bereits früher vorgelegt wurde.		I pass to the last document in the bundle.
(40) Ich verweise auf Absatz 11, Seite 14:	В ней говорится:	I refer to Paragraph 11 on Page 4:
(41) Wenn ich die Geschichte zusammenfassen darf: Der Einfall in Griechenland wurde schon im Dezember oder gar November 1940	Планировавшееся нападение на Грецию с севера было проведено не только как операция помощи союзникам, — его истинная цель	If I might summarize the story: The invasion of Greece was decided on at least as early as December or November 1940 and planned for the

entschieden und sollte Ende März oder Anfang April 1941 ausgeführt werden.	заклучалась в том, чтобы помешать англичанам занять плацдарм в Греции и угрожать из этой страны нашим румынским нефтяным районам...	end of March or the beginning of April 1941.
(42) Ich glaube, ich kann ohne Benachteiligung neuer Ausführungen einige Zeilen auslassen und weiter unten fortfahren:		<u>P. 232</u> I believe I can skip several lines without loss and quote further:
(43) Davon ist in Paragraph 3, Seite 5 des russischen Textes die Rede. Es ist Dokument USSR-36; in Ihrem Dokumentenbuch, meine Herren Richter, werden Sie die Stelle auf Seite 357 finden:	Об этом говорится в параграфе 3 документа СССР-36:	This is discussed in Paragraph 3 on Page 5 of the Russian text; our Document Number USSR-36. You will find this passage, Your Honors, on Page 357 of the document book:
(44) Dem Gerichtshof liegen beglaubigte Auszüge aus den Dokumenten in dem von mir bereits zitierten deutschen Buche vor, die auf den Seiten 1 und 4 zu finden sind.		<u>P. 235</u> Certified excerpts have been handed to the Tribunal from the documents of the German book already quoted on Pages 1 and 4.

Приложение 4

	<u>Из выступления</u> <u>заместителя</u> _____ <u>Главного</u> <u>обвинителя</u> <u>от США С. ОЛДЕРМАНА.</u> <u>Стенограмма</u> <u>заседаний Международного</u> <u>военного трибунала</u>	<u>P. 328</u>
--	---	---------------

<p>(1) Wir kommen jetzt zum Höhepunkt dieser erstaunlichen Geschichte der Angriffskriege, vielleicht einer der größten Fehlrechnungen der Weltgeschichte, als Hitlers Intuition ihn und seine Verbündeten veranlaßte, einen Angriffskrieg gegen Bußland zu entfachen.</p>	<p><i>от 7 и 10 декабря 1945 г.</i> Теперь мы переходим к кульминационному пункту истории агрессивных войн.</p>	<p>We now come to the climax of this amazing story of wars of aggression, perhaps one of the most colossal rnis-estimates in history, when Hitler's intuition led him and his associates to launch an aggressive war against the Union of Soviet Socialist Republics.</p>
<p>und dabei hat die britische Anklagevertretung auch die verschiedenen internationalen Verträge, Abkommen und Zusicherungen und das Beweismaterial, das die Verletzung dieser Verträge und Zusicherungen feststellt, geordnet und dem Gerichtshof vorgelegt.</p>	<p>Английское обвинение представило Трибуналу различные международные договоры, соглашения, заверения и доказательства, подтверждающие нарушение таковых нацистскими заговорщиками.</p>	<p>and in doing so the British Prosecution has marshalled and presented to the Court various international treaties, agreements, and assurances, and the evidence establishing the breaching of those treaties and assurances.</p>
<p>(2) Ich möchte nun dem Gerichtshof die Geschichte des vorletzten Angriffsaktes der Angeklagten unterbreiten, die Invasion der USSR.</p>	<p>Теперь я хотел бы представить Трибуналу изложение предпоследнего акта агрессии нацистских заговорщиков, а именно: вторжения в СССР.</p>	<p>I should like to present to the Tribunal now the account of the last but one of the defendants' acts of aggression, the invasion of the U.S.S.R.</p>
<p>(3) Der Teil der Anklageschrift, in dem dieses Verbrechen angeführt ist, befindet sich in Punkt 1, Abschnitt IV (F), Absatz 6, mit der Überschrift:</p>		<p>The section of the Indictment in which this crime is charged is Count One, Section IV (F), Paragraph 6, German invasion on 22 June 1941 of the U.S.S.R. territory in violation of the Non- Aggression Pact of 23 August 1939.</p>

<p>(4) Die Urkunden, die sich mit diesem Teil des Falles befassen, befinden sich im Dokumentenbuch »P«, das wir jetzt dem Gerichtshof überreichen.</p>		<p>The documents having a bearing on this phase of the case are contained in document book marked "P," which we now hand to the Court.</p>
<p>(5) Lassen Sie mich zunächst feststellen, wie der Plan begonnen wurde. Als Ausgangspunkt für die Geschichte des[370] Angriffs auf die Sowjetunion möchte ich das Datum des 23. August 1939 nehmen.</p>	<p>Я хочу начать историю агрессии против СССР с 23 августа 1939 г.</p>	<p><u>P. 329</u> First, if the Tribunal please, the inception of the plan. As a point of departure for the story of aggression against the Soviet Union, I should like to take the date 23 August 1939.</p>
<p>(6) Auszüge dieser Hinweise sind in Dokument C-33 enthalten, das ich als Beweisstück US-133 vorlege.</p>	<p>Я думаю, что будет достаточно для занесения в протокол процитировать типичную запись от 19 февраля 1941г., документ США-133:</p>	<p>Extracts of such references are contained in Document C-33, which I am now offering in evidence as Exhibit USA-133.</p>
<p>(7) Ein Bericht über diese Besprechung ist in unserem Dokument 872-PS enthalten, das ich als Beweisstück US-134 unterbreite.</p>		<p><u>P. 338</u> A report of this conference is contained in our Document Number 872-PS, which I now offer as Exhibit USA-134.</p>
<p>(8) Ich glaube, daß die Urkunden, die ich angeführt und aus denen ich verlesen habe, mehr als ausreichen, um die Vorsätzlichkeit und die kaltblütige Berechnung schlüssig zu beweisen, die die militärischen Vorbereitungen für die Invasion der Sowjetunion kennzeichnen.</p>	<p><u>Стр. 393</u> Я считаю, что тех документов, которые я сейчас представил и цитировал, более чем достаточно для того, чтобы окончательно установить преднамеренность и хладнокровный расчет, которые</p>	<p><u>P. 345</u> I believe that the documents which I have introduced and quoted from are more than sufficient to establish conclusively the premed- itation and cold-blooded calculation which marked the military preparations for</p>

	характеризовали военную подготовку для вторжения в Советский Союз.	the invasion of the Soviet Union.
(9) Die Nazi-Verschwörer begannen beinahe ein Jahr vor der Begehung des Verbrechens mit der Planung und Vorbereitung aller militärischen Einzelheiten ihres Angriffs auf die Sowjetunion, und zwar mit jener Gründlichkeit und Sorgfalt, die für uns ein Synonym für den deutschen Charakter ist.		
(10) Obgleich verschiedene dieser Angeklagten besondere Rollen in dieser militärischen Phase der Planung und Vorbereitung für den Angriff spielten, ist es nur natürlich, daß, wie wir gesehen haben, die Militärs, nämlich die Angeklagten Göring, Keitel, Jodl und Raeder, die Hauptrollen innehatten.		
(11) Thomas beschreibt den Empfang dieser Kenntnis und dieser frühen Planung auf Seite 369 seines Buch entwurfs, 2353-PS, bereits vorgelegt als US-35. Ich verlese von Seite 10 und 11 der englischen Übersetzung:	Представляю извлечение из рукописи книги Томаса «Основные факты из истории германской военной экономики и экономики вооружений», 1944 год, документ ПС-2353, США-35:	Thomas describes his receipt of the knowledge and this early planning at Page 369 of his draft, which is our Document 2353-PS introduced earlier as Exhibit USA-35; the part I shall read is at Pages 10 and 11 of the English translation
(12) VORSITZENDER: Sie wollen		<u>P. 329</u>

uns doch nicht wieder die schriftliche Aussage von Paulus vorlegen? Wir haben bereits dessen vollständige Aussage.

GENERALMAJOR ZORYA: Ja, ich habe bereits gesagt, daß sich dieses auf Seite 182 befindet. Es ist ein Protokoll des Verhörs von Paulus, das General Rudenko geführt hat Die Kopie dieses Verhörs kann dem Gerichtshof sofort vorgelegt werden; außerdem befindet sich die Stelle auf Seite 143 der Dokumentenmappe.

VORSITZENDER: Wir haben bereits seine mündliche Beweisaussage. Wir brauchen sein Verhör nicht.

GENERALMAJOR ZORYA: Ja, aber ich brauche nur eine kleine Stelle aus dieser Aussage, um den Zusammenhang mit den weiteren Dokumenten über Ungarn und damit mit dem allgemeinen Inhalt meines Berichts herstellen zu können. Nur einige Zeilen.

[364] VORSITZENDER: Das ist aber sicher auch eine Wiederholung, nicht wahr?

GENERALMAJOR ZORYA: Was dem Gerichtshof vorgelegt wurde, werde ich mit meinen eigenen Worten, in zwei Sätzen auseinandersetzen.

THE PRESIDENT: You aren't going to give us Paulus' affidavit over again, are you? We have already had Paulus' evidence in full. GEN. ZORYA: Yes, I have already mentioned that this is on Page 182. It is the record of the interrogation of Paulus by General Rudenko. A copy of this record may be produced before the Tribunal now and, furthermore, it is on Page 143 of the document book.

THE PRESIDENT: We have got his actual oral evidence; we don't want his interrogation. GEN. ZORYA: But I really need one particular paragraph of his testimony in order to show the connection between the subsequent documents relating to Hungary and the contents of my statement. It is just a few lines.

THE PRESIDENT: It must surely be cumulative, is it not?

GEN. ZORYA: That which was presented to the Tribunal, I could express in my own words, in two sentences.

THE PRESIDENT: Is it in any way different from what Paulus has already said? GEN. ZORYA: Yes. Do forgive me! I have just been told that Colonel Pokrovsky has already

VORSITZENDER: Ist das, was Sie bringen wollen, in irgendeiner Art und Weise verschieden von dem, was Paulus bereits auf dem Zeugenstand ausführte?

GENERALMAJOR ZORYA: Ja, entschuldigen Sie, bitte, man sagt mir soeben, daß diese Stelle von Oberst Pokrowsky bereits verlesen wurde, und deshalb werde ich sie sehr kurz zusammenfassen und, ohne zu wiederholen, weitergehen. Ich hatte diejenigen Stellen der Erklärungen von Paulus im Sinn, in denen er über die Politik Ungarns spricht. Diese Politik war durch die vollständige Anerkennung der führenden Rolle Deutschlands bestimmt, was durch zwei Grundfaktoren bedingt war:

read that extract into the record. I shall therefore merely give a very brief summary of the extract and then pass on to a further subject and shall not repeat myself. I have in mind, on the one hand, those paragraphs of Paulus' affidavit which state that the leading factor of Hungary's policy was the full recognition of Germany's leading role and that it was determined by two basic factors, that is, the aspiration to territorial conquests with the help of Germany and the fear of the growing power of Romania as Germany's ally; and, on the other hand, I have in mind that passage where Paulus states that Hitler was far more prudent in disclosing his plans to Hungary than to the other satellites, because he considered the Hungarians as garrulous. It is true that Paulus immediately adds, on Page 2 of his affidavit, that:

